

ЕВГЕНИЯ ПОТАПОВА

НЕНУЖНЫЕ ТОПЬ ВИДИТ ВСЁ

Евгения Потапова

Ненужные. Топь все видит

«Автор»

2026

Потапова Е. В.

Ненужные. Топь все видит / Е. В. Потапова — «Автор», 2026

Галина Сергеевна всю жизнь отдавала себя семье. Но в один день всё меняется: она остаётся без работы и без дома — самые близкие люди дают понять, что больше в ней не нуждаются. Собрав нехитрые пожитки, она уезжает переждать трудные времена. Однако дорога приводит её совсем не туда, куда она собиралась, в место, о котором не пишут в путеводителях, где живут люди со своими странными обычаями. Это история о том, как легко потерять себя, пытаясь быть нужной другим, и как неожиданно можно найти новый смысл там, где совсем его не ждёшь. Нежным и впечатлительным - не читать!!!

© Потапова Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1-2	5
Глава 3-4	11
Глава 5-6	17
Глава 7-8	22
Глава 9-10	28
Глава 11-12	34
Глава 13-14	40
Глава 15-16	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгения Потапова

Ненужные. Топь все видит

Глава 1-2

Обманули на работе

Галина Сергеевна перешагнула через пути, еле спустилась вниз по насыпи, таща на себе тяжелый рюкзак, сумку на колесиках и баул с вещами. Она остановилась около накатанной размытой дороги, покрутила головой в разные стороны и свернула в лес, решив идти по короткой тропинке. Кроме нее на станции никто не вышел. Да это и понятно, глубокой осенью навряд ли найдется садовод-любитель, который поедет на дачу в будний день и в такую погоду.

— Хоть бы успеть до дождя, — проворчала она, поглядывая на серое небо.

Она решительно пошла по тропке, волоча сумку на колесиках за собой. Листья практически уже вся облетела. Она слиплась и спрессовалась под деревьями, образуя плотный, влажный ковер, который хлюпал под ногами. Воздух был наполнен запахом прелых листьев и сырой земли, а в небе, низко нависающем над лесом, клубились тяжелые серые тучи. Кое-где застыли островки инея, значит, ночью был морозец. Казалось, сама природа замерла в ожидании чего-то важного, как будто готовилась к последнему акту перед долгим зимним сном.

Галина Сергеевна шла и думала, как так сложилась у нее жизнь, что на старости лет ей негде жить. Где она свернула не туда, что ее любимые сыночки выставили мать-пенсионерку из дома, как какой-то ненужный, мешающийся под ногами хлам.

Вчерашний день не задался с самого утра. Придя на работу, она не обнаружила той самой работы. Киоск, в котором она практически жила последние три года, был демонтирован и куда-то вывезен. Галину Сергеевну накрыла паника. Она заметалась, пытаясь обнаружить хоть какой-то след исчезнувшего киоска, но все было тщетно.

Стоял он рядом с остановкой лет пятнадцать, а потом резко исчез и очевидцев не оставил. Она плюхнулась на лавку и трясущимися руками набрала номер своей начальницы. Сбиваясь от волнения, поведала ей историю исчезновения киоска и в ответ услышала тишину.

— Алло, алло, — затараторила Галина Сергеевна, — связь что ли прервалась?

— Ничего не прервалась. Руководство решило убрать киоск по предписанию города.

— А я, а как же я? — чуть не плача спросила Галина Сергеевна. — Куда мне выходить?

— Никуда, идите домой, вы уволены.

— В смысле уволена?

— В прямом смысле. Вы же у нас неофициально были, так что отрабатывать ничего не надо. Если я не ошибаюсь, вы давно на пенсии, ну вот и наслаждайтесь ей.

— Но я же не просто так работала. Пенсия очень маленькая, на нее сложно прожить. Да и вообще, как так можно было убрать киоск и не предупредить меня об этом? Там же и товар дорогой был, и касса, и деньги оставались. Никто учет остатков не снимал.

— Я так и знала, что вы будете ныть, Галина Сергеевна, поэтому не стала вас заранее предупреждать, чтобы вот это все не выслушивать, — фыркнула начальница в трубку.

— В смысле ныть? — опешила от такого тона Галина Сергеевна.

— В прямом смысле ныть. Вы сейчас давите на жалость, а я этого не люблю. Я вообще не понимаю, почему Борис Игоревич набирает пенсионерок для работы. Вот есть у вас пенсия, и сидите дома. Старикам вообще много не надо, они уже свое пожил.

— Я вам не ною, а говорю про рабочие процессы, что так не делается, как вы поступили, — возмутилась Галина Сергеевна.

— Можете перевести мне на карту то, что осталось в кассе, — смиловилась начальница.

— Элеонора Олеговна, если вы не в курсе, то я не имею права забирать деньги из кассы домой. Кстати, а где моя зарплата за месяц и отпускные?

— Ну, мы же с вами учет не проводили, вдруг там недосдача. Вот вашей зарплатой и покроем издержки.

— Отдайте мои заработанные деньги, — прохрипела в трубку Галина Сергеевна, — и медицинскую книжку.

— За документами в отдел кадров, а все остальное можете забыть, — со смешком ответил Элеонора Олеговна и сбросила звонок.

— Тварь, — выругалась Галина Сергеевна, услышав короткие гудки в трубке.

Она дождалась нужный автобус и поехала в офис. Контора еще была закрыта. Офисные сотрудники начинали работать, в отличие от продавцов, с десяти утра. Галина Сергеевна посмотрела на часы и снова выругалась, было половина девятого.

— Это еще полтора часа где-то шататься, — вздохнула она. — У всех рабочий день начинается с девяти, а у этих принцесс с десяти утра. И ведь подгадали специально к началу месяца, когда зарплату надо выплачивать. Гады!

Галина Сергеевна слышала истории о таких выкрутасах конторы, но думала, что с ней этого никогда не случится.

— И так зарплата копейки, и ту отдавать не хотят, — покачала она головой.

Душу не грели те две тысячи, которые она вчера забрала из кассы, потому что побоялась их там оставлять на ночь. Ее зарплата была в десять раз больше, чем эти деньги, да и про отпускные не стоит забывать. Там тоже была не такая уж и копеечная сумма.

— Вот, оказывается, зачем они заставили меня вчера собрать в коробки всю дорогую продукцию и вечером вместе с выручкой ее увезли, — задумчиво пробормотала она себе под нос.

Она немного побродила около офиса, замерзла и направилась в ближайший супермаркет, который, на ее счастье, уже открылся. Там Галина Сергеевна все тщательно рассматривала и изучала.

— Женщина, вы что-то хотели? Вам подсказать? — подошла к ней работница зала через полчаса.

— Да я даже не знаю, — смутилась Галина Сергеевна.

— Нам просрочку отдавать не разрешают, — тихонько сказала работница, решив, что покупательница находится в затруднительном положении, — но я могу сделать вам скидку на курочку и молоко. Сейчас будем проверять сроки годности и лепить новые ценники. Через пять минут подходите к холодильнику.

— Спасибо, — промямлила Галина Сергеевна.

Продавец приняла ее за человека с материальными проблемами. Хотя, что уж говорить, они у нее с некоторых пор имелись.

— А чего я стесняюсь, можно и куру по акции взять и молока. Вечером себе кашу сварю, — кивнула Галина Сергеевна.

Она подошла чуть ближе к холодильным камерам и стала ждать. Галине Сергеевне удалось купить со скидкой лоток куриной грудки и бедра, а также пакет молока с большим стаканом сметаны.

— Ну хоть не зря тут торчала, — проговорила она, направляясь со своей добычей на кассу.

Там ей вручили сосиски с пятидесятипроцентной скидкой. Довольная она направилась в сторону здания, заглянув по дороге в булочную, где также со скидкой взяла несколько пирожков и стакан горячего чая. Спокойно перекусила и уже со своими покупками двинулась в офис.

К этому времени работники конторы уже расходились по своим рабочим кабинетам. Она сразу же направилась в бухгалтерию.

— Здравствуйте, я Галина Сергеевна Образцова. Меня к вам направила Элеонора Олеговна за зарплатой и отпускными, — бодро сказала она бухгалтерше, которая наливала себе в чашку кипятка.

— Мне она ничего не говорила, — скривилась дамочка.

— А мне сказала, что вы в курсе, — врала Галина Сергеевна.

— Она обычно своим сама деньги отдает на руки, — хмыкнула бухгалтерша, смерив насмешливым взглядом Галину Сергеевну.

— А мне вчера не отдала, сказала, чтобы я у вас спросила утром.

— Ну щас, — бухгалтерша явно была недовольная столь ранним визитом.

Она открыла программу и стала смотреть.

— Как ваша фамилия?

— Образцова.

— Ну да, зарплату для вас она не брала. Насчет отпускных все через начальство, — ответила бухгалтерша. — У меня тут никаких пометок нет.

Она открыла сейф, вытащила небольшой конверт, достала оттуда несколько купюр и положила на стол.

— Остальное вам Элеонора Олеговна отдаст, — мерзко улыбнулась бухгалтерша.

Там лежало семнадцать тысяч триста рублей вместо положенных двадцати тысяч. Галина Сергеевна не стала спорить, все сгребла и поблагодарила.

— Все идите, мне надо работать, — махнула бухгалтерша рукой, достала телефон и уткнулась в просмотр разных роликов из интернета, врубив звук на самый максимум.

Галина Сергеевна повернулась и направилась на выход. Она споткнулась об башню из коробок, одна из которых свалилась прямо к ней в руки. На коробке ее же рукой были сделаны надписи. Она глянула на бухгалтершу, которая была погружена в интернетную паутину, схватила коробку и выскочила вместе с ней из кабинета. Спокойным шагом прошла по коридору и вышла на улицу через охрану, а там, прибавив шаг, завернула в ближайшие дворы. На лавке быстро распотрошила коробку и запихнула все, что в ней лежало, в рюкзак. Галина Сергеевна торговала табачными изделиями, чаем, кофе, шоколадом и разными снеками. В этой коробке лежали чай, кофе, шоколад и дорогие конфеты.

— С бешеной собаки хоть шерсти клок, — проговорила она. — Надеюсь, на камерах они так же сэкономили, как и на продавцах.

Она закинула свой рюкзак на спину и зашагала на остановку.

Мать заняла лишнюю площадь

Галина Сергеевна шла по темному лесу. Сверху накрапывал мелкий дождик, под ногами чавкала прелея листва. Она немного продрогла и прибавила шаг. Однако споткнулась и чуть не упала, зацепившись за ветку дерева. Баул с вещами улетел куда-то в кусты.

— Чертовы дети, — проворчала она. — Родила на свою голову. И ладно бы я матерью была плохой, била бы их, наказывала, ничего не покупала, не занималась, пила. Нет, ведь и матерью я была хорошей, и ночами не спала, и последнее отдавала, сама лишний кусок не съем — им отдам. И к невесткам и внукам также относилась. И так по подлому со мной поступить.

Она полезла в кусты за своими вещами. Вытащила их, вылезла из кустов и стала озираться — широкая тропинка куда-то исчезла.

— Вот тут наискосок пройду и выйду на нее, — решила она и направилась в сторону.

Вышла на узенькую тропку и потопала дальше, перебирая в голове события вчерашнего дня.

Злоключения на резком и внезапном увольнении у нее не закончились. Она приехала домой и столкнулась около двери в квартиру со своим младшим сыном. Он ковырялся в замке.

– Дети опять ключи потеряли? – спросила его Галина Сергеевна.

– А, мам, – испуганно обернулся Толик. – Ты чего так рано? Ты же сегодня вроде до восьми работаешь.

– Так меня уволили. Представляешь, ничего не сказали, киоск ночью увезли, брать никуда больше не захотели и зарплату не отдавали. Еле выдрала, и то не всё.

Она хотела войти в квартиру, но Толик преградил ей путь.

– Мам, тут такое дело, – он почесал затылок.

– Какое дело? Ты домой меняпустишь? Я в туалет хочу, да и замерзла, столько времени на улице провела, – возмутилась она и попыталась его отодвинуть.

Стодвадцатикилограммовый Толик даже не пошевелился и не отошел в сторону.

– Отойди, – возмущенно сказала Галина Сергеевна.

– Мы тут посоветались и решили, что ты жить будешь у тети Люды, – сообщил ей сын.

– В смысле я буду жить у тети Люды? – не поняла она. – А почему я не буду жить здесь?

– Здесь тесно и мало места. Мы всё решили, продумали. Нас же две семьи живет в трешке, ну и ты. У Сереги двое детей, и у меня двое. Мы ютимся в маленьких комнатках вчетвером. Дети у нас взрослеют, как-то уже неудобно на головах друг у друга спать. Ну ты меня понимаешь, в каком я смысле. А ты занимаешь отдельную комнату. Так вот из большой комнаты мы решили сделать детскую и отправить туда всех детей. Я с женой, и брат с женой будем жить в маленьких комнатках, каждая в своей.

– А я? – растерянно спросила Галина Сергеевна.

– А ты будешь жить у тети Люды. Она твоя сестра и тебя не прогонит.

– У тети Люды однушка, и у нее, если ты не забыл, есть муж официальный, с которым она живет уже двадцать лет. И я им не упала ни в одно место.

– Ты можешь снять комнатку в коммуналке или общежитии. Тебя все равно не бывает целыми днями дома, – сказал он.

– Ты вообще себя слышишь? – Галина Сергеевна ошарашено смотрела на сына. – Я тебе только что сказала, что меня уволили. Моей пенсии не хватит на съём комнаты и на жилье.

– Ну устроишься в другое место.

– Это моя квартира, это мы с отцом на нее заработали! – воскликнула она.

– Мама, давай не будем доводить до скандала. Мы здесь тоже все прописаны.

– Ты меня хоть в туалетпустишь? – спросила она его.

– Нет, вдруг ты там закроешься, и нам придется силой тебя оттуда извлекать. Сходи к соседке.

– А вещи мои тоже не планировали мне отдавать? – Она еле сдерживала слезы.

– Мы все тебе отдадим. Как раз Леночка собирает твои вещи.

– Вы, значит, вдвоем сегодня не пошли на работу, лишь бы ненавистную мать из дома выставить!

– Мама, не кричи на весь подъезд. Успокойся, я не буду с тобой разговаривать, когда ты в таком состоянии.

Он заскочил в квартиру и захлопнул перед ней дверь. Галина не могла поверить в происходящее. Она стала молотить по двери руками и пинать ногами.

– Позорники, выгнали мать из дома на улицу, – кричала она.

Чай, выпитый больше часа тому назад, давил на нижнюю чакру. Домой ее никто не пускал, ключ к замку не подходил. Галина готова была уже разрыдаться, но понимала, что это не поможет. Она постучала в дверь к соседке.

– Да, Галочка, – тут же открыла ей дверь она. Вероятнее всего, стояла и подслушивала под дверь.

– Валя,пустишь меня в туалет? Что-то мои мне не открывают, и ключ не подходит, – вздохнула Галина Сергеевна.

– Да-да, Галочка, проходи, можешь немного посидеть, подождать, – кивнула соседка, запуская женщину к себе домой.

Галина Сергеевна стащила со спины тяжелый рюкзак, сняла куртку и обувь и юркнула в туалет. Сделав все дела и помыв руки, вышла из кабинета задумчивости и прошла на кухню, где хозяйка квартиры громыхала посудой.

– Чай будешь? – с сочувствием спросила соседка.

– Не откажусь. Валь, ну вот скажи ты мне, ну что я им плохого сделала? Жили все в квартире, могли бы на свое жилье копить, а они меня взяли и все вместе выгнали. В жизнь их не лезла, не поучала, не командовала, да меня и дома толком не бывало. Приду с работы, поем, помоюсь и спать лягу. Я даже спать с берушами научилась, чтобы не ругаться с ними из-за шума.

– Может, ты слишком хорошо к ним относишься? – вздохнула Валя, ставя на стол чашки с горячим чаем.

– У меня тут печенье хорошее есть, – спохватилась Галина.

– Не надо, оставь себе, у меня все есть, – махнула рукой Валентина.

– Ты меня прости, что я тут к тебе со своими проблемами.

– Да ладно, перестань, мы сколько лет знакомы. Только вот оставить тебя у себя не смогу. Вечером Петька с работы придет. Сама понимаешь.

– Да ты что, – Галина с удивлением на нее посмотрела, – Я о таком даже не думала. Я сейчас чай попью, сестре позвоню и поеду к ней, думать, как дальше жить. Разве я буду чужого человека напрягать.

Галина Сергеевна посидела у соседки еще полчаса, позвонила сестре, выяснила, что та дома.

– Спасибо тебе, Валентина, – сказала она, поднимаясь из-за стола, – Хоть не дала мне окончательно опозориться.

– Ой, да ладно тебе. Может, ты полицию вызовешь? – предложила соседка.

– И что?

– Ну они помогут тебе в квартиру войти.

– Ага, а вечером меня вынесут любимые сыночки из квартиры. Или еще чего хуже будет. Так ведь и до смертоубийства дойти может.

Галина Сергеевна до конца не верила, что все это произошло с ней. Она еще раз поблагодарила соседку, прихватила свой рюкзак и направилась к сестре. Для порядка она еще раз постучала в свою квартиру, но никто не откликнулся. Она матерно выругалась, тяжело вздохнула и стала спускаться вниз.

– Будет кому на старости воду подать, – передразнила она кого-то.

Людмила встретила сестру, сразу повела ее на кухню есть.

– Ленька где? – спросила ее Галина.

– На работе. Вот вроде уже и на пенсии, и жить, так сказать, можно в свое удовольствие, а все равно каждый день на работу ходит. Не может он без нее.

Галина поведала сестре о своей беде, вернее бедах.

– Ну поживи пока у нас, а там, может, чего придумаем, – предложила Людмила.

– Я на дачу поеду жить, – задумчиво проговорила Галина, – Там у нас домик хоть и маленький, но добротный, печка есть, скважина во дворе, холодильник, мебель да посуда всякая имеется. Я, правда, этим летом всего три раза там была, все работала как проклятая в этом киоске.

– А свет. Там есть свет зимой?

– Вроде на зиму не отключают. Там соседи какие-то живут круглогодично, значит есть.

– Галя, может, не надо? Страшно ведь там одной. Оставайся, поживи у нас, а там, может, мы с тобой чего придумаем.

– Люда, ну куда я вам еще на голову. Вам и так вдвоем тесно в однушке. Если ты не против, то я у вас сегодня переночую и поеду завтра утром на электричке. Сегодня я уже не успела, да и вещи надо бы забрать у охамевших сыновей.

– Сейчас я Тольке твоему позвоню, направлю ему мозги.

Людмила взяла телефон, ушла в комнату и на повышенных тонах разговаривала с племянником. В итоге вернулась через пятнадцать минут.

– Представляешь, он трубку бросил, – возмущенно сказала она.

– Я так и думала, – вздохнула Галина.

– Но он обещал привезти сегодня твои вещи.

– Ну хоть так. Я прилягу? А то что-то у меня голова как-то разболелась.

– Конечно, – кивнула сестра.

– Ленька кофе пьет же?

– Ну да, я никак его не могу от этой пагубной привычки отучить.

– Возьми у меня там в рюкзаке кофе для него. Ой, я про продукты-то забыла, – вскочила Галина, – Надеюсь ничего не пропало.

– Иди ложись, я сейчас все разберу, и давление померь, а то с такими событиями можно и в больницу загреметь.

– Зато поживу пару недель в тепле, а не под забором, – горько хмыкнула Галина.

– Галь, вот давай тут не надо! – сердито сказала сестра, – Я тебя не выгоняю.

– Я знаю, Людок, ты моя любимая сестренка, но и помочь ты мне не можешь, хоть и хочешь. Я знаю, не спорь. Поживу пока на даче, а там, может, чего и придумаю.

Людмила забрала рюкзак сестры и отнесла его на кухню, а Галина легла на диван мерить давление. Приняв таблетку, она через пять минут задремала.

Глава 3-4

Заблудилась бедная

Вечером пришел Леонид – муж Людмилы.

– О, Галка, привет! Ты к нам в гости решила заглянуть?

– Ну да, в гости, - тяжело вздохнула Галина Сергеевна.

Людмила утащила его на кухню и тихонько всё ему рассказала.

– Так это, чё, пусть у нас немного поживет. Я всё равно на работе днём, а вечером как-то уж разберёмся, не подеремся, чать уж, - сказал Лёня.

– Ну да, не подеремся, а просто через некоторое время начнём друг друга ненавидеть, - хмыкнула Галина. - Лёня, спасибо тебе, конечно, за гостеприимство, но мы же взрослые люди, всё понимаем.

– Так это, поживи, может, квартиру найдём или там сиделкой куда устроишься с проживанием, или еще чего придумаем.

– Да вот только у меня уже возраст не тот, чтобы сиделкой круглосуточно работать. Это раньше я была о-го-го, а сейчас уже не порох в пороховницах и не ягоды в ягодицах, а песок. Только дворником пойти и дорожки зимой посыпать, - невесело пошутила Галина.

Они все по очереди пытались дозвониться до детей Галины и до её снох, но трубку никто не брал, и даже у внуков оказались выключены телефоны.

В девять часов вечера на телефоне Людмилы пришло сообщение, что вещи стоят около двери.

– Смотри-ка, сыночки твои такие большие выросли, а всё боятся тётки, бросили вещи и убежали, - хмыкнула она, открывая дверь.

Там около порога стоял баул с вещами.

– А зимние мои вещи они сами носить будут? – с грустью спросила Галина, рассматривая содержимое сумки.

– Я всё заберу, - пообещала Людмила. - Галя, ну может, ты никуда завтра не поедешь? Поживи у нас, а там что-нибудь решим. Не надо рубить сгоряча.

– Да я не рублю. Если не получится жить на даче, то вернусь к тебе. Не переживай, сестрёнка, мне надо просто побыть немного одной, всё продумать.

Ночью Галина Сергеевна не могла уснуть – громко храпел Леонид, и тяжело вздыхала сестра Люда и ворочалась на скрипучем диване.

– Как же я хотела тогда продать квартиру и поделить деньги между детьми, когда умер Юра. Нет же, уговорили меня детки этого не делать, дескать, мамочка, тебе после смерти отца будет тяжело. Купила бы себе тогда однушку, отдала бы им всё, что осталось, и жила бы себе одна, не мята, да не клята. Конечно, после смерти мужа они меня здорово поддерживали, но кто же знал, что так всё повернётся. Взяли за моей спиной и всё решили и так подло со мной поступили. Хоть бы подготовиться дали, да ещё выкинули на улицу поздней осенью, - думала она ночью.

Галина Сергеевна встала рано утром вместе со всеми обитателями квартиры. Леонид уехал на работу, а Людмила стала собирать провизию и нужные вещи для сестры. Она ещё раз попыталась уговорить её остаться, но Галина упёрлась.

Сестра проводила её на вокзал и посадила в электричку.

– Как только доберёшься, так позвони. Если там нет условий, то не затягивай, сразу иди обратно на электричку. Поняла? – беспокоилась за неё Людмила.

– Людок, да всё я поняла. Не переживай, всё со мной будет нормально. Никуда я не пропаду.

– И чтобы сняла мне видео, в каком состоянии дача. Поняла?

– Да-да, мамочка, - сложила руки на груди Галина.

– Не ерничай.

И вот теперь Галина Сергеевна шла по мрачному лесу по еле заметной тропинке. Сверху начал накрапывать мелкий дождик. С каждым шагом он усиливался. А через пять минут разразился проливным ливнем. Галина, чертыхаясь и матерясь, рванула по тропинке.

Она выскочила из леса, вот только оказалась не в дачном посёлке, а около какой-то деревушки. Попыталась сообразить, с какой стороны находятся дачи, но сориентироваться никак не могла.

Волосы и куртка промокли насквозь, джинсы тоже. Она ринулась к ближайшему дому через всё поле.

– Спрошу у людей, в какую мне сторону идти. По идее, эта деревенька должна быть недалеко расположена от дач. Хотя я что-то про неё не помню. Но мало ли, вдруг это с другой стороны, а я там вообще ни разу не бывала.

Она кое-как добралась до него. На подошвы ног налипла грязь, а мокрая одежда и проливной дождь сковывали движение. Галина поставила сумку на лавку и стала вглядываться во двор дома сквозь редкий плетень. Она боялась нарваться на цепную собаку.

Вдруг на плетень взлетел огромный чёрный петух и заорал во всё горло. Она с перепугу чуть не упала, шарахнувшись в сторону от забора.

– Ох ты, напугал меня, - замахала Галина Сергеевна на него руками.

Дверь в избу тут же открылась, и оттуда выглянул коренастый дедок. Он вглядывался сквозь дождь.

– Здравствуйте, - крикнула Галина.

– Здравствуйте, - ответил он. - Ты чего там делаешь?

– Мокну, - честно призналась она.

– Не мокни, заходи.

– А можно?

– Конечно можно, чего там мокнуть-то? Погреешься около печки, чай попьешь, расскажешь, чего тебя к нам занесло.

– Да я... - начала Галина.

– Потом поговорим, заходи, - махнул он рукой.

Он вышел на улицу, помог ей с вещами.

– Как звать-то? – спросил дедок, когда они вошли в тёплые сухие сени.

– Галина Сергеевна, - ответила она, отбивая зубами чечётку.

– А меня дед Василич, а там за столом сидит моя дочка Ниночка, - кивнул он в сторону, - Сымай всё с себя, а то простынешь. Одежа какая-нибудь сменная есть?

– Есть, вот только я не знаю, сухая она или тоже всё промокло. Я на дачу шла, да, видать, не туда свернула.

Галина Сергеевна стащила с себя куртку и свитер, и полезла в сумку. К счастью, почти вся одежда там была сухой. Она вытащила тёплый спортивный костюм.

– За печку можешь зайти и там переодеться, - сказал он.

Ниночка встала из-за стола и стала доставать из шкафа чашки.

– Сейчас чаю горячего попьём, авось, Галина Сергеевна, ты не простынешь, — сказал дед Василич, ставя на стол банку с мёдом, — А я-то думаю, чего мы никак уснуть не можем. Гости-то последние давно уехали, а мы всё маемся. Уж грешным делом подумал, что всё у нас стало как прежде, а оказывается, вон чего.

– Я на дачу шла и заблудилась, — повторила Галина.

– А ты чего на дачу-то шла? Не лето ведь. Чего там делать в такую пору? — спросил дедок.

– Жить я там собралась, — ответила она.

– Тебе жить, что ли, негде? - удивился он.

— Негде, — ответила она, выходя из-за печки и вытирая волосы полотенцем, — Дети меня из дома выгнали.

— А разве так бывает? — удивилась Ниночка, с недоверием посмотрев на Галину, — Дети любят свою маму и не могут её прогнать. Вот у меня мама давно ушла на небушко, а я её до сих пор люблю.

— Моя тоже ушла на небушко, — устало вздохнула Галина, — И я бы очень хотела, чтобы она была рядом, но вот и её нет. А вот своим детям я помешала и не нужна стала.

Дед Василич и Ниночка переглянулись.

— Ты за стол садись, чай сейчас пить будем, — пригласил ее дед.

— На даче одной жить? — спросила Ниночка, наливая чай. — Да там же сейчас ни души, все на зиму разъехались. Да и печку топить надо каждый день, а то сырость, холод.

— Я знаю, — кивнула Галина. — Но у меня выбора особого не было. Там вроде раньше кто-то жил и зимой.

Дед Василич хмыкнул, размазывая мёд по краю чашки:

— Значит, так занесло, что и до дачи не дошла?

— Да я, видимо, не туда свернула. Думала, знаю эти места, а тут дождь, темно. И вот я здесь.

— Ну, раз уж тут оказалась, — сказал дед, — значит, так надо.

Галина Сергеевна насторожилась. В его словах было что-то странное.

— А что это за деревня у вас? — спросила она, оглядываясь.

— Дачи ваши далеко от нас расположены, — ответила Ниночка. — А деревня наша — Горелово.

— Горелово? — Галина Сергеевна нахмурилась. — Я что-то не припоминаю.

— Мало кто припоминает, — усмехнулся дед Василич. — От всего мира болотами отрезаны, вот к нам никто и не суется, да и не знают, что есть такая деревенька.

— Ну да, наверно, — пробормотала она, — Дождь кончится, я обсохну и пойду к себе на дачу.

— Хорошо, — задумчиво проговорил дед, — Вот только я тебя через болота не поведу. Старый уже, а Ниночка у нас малахольная, я её не отпущу. В деревне только бабки остались, тоже в такую погоду не высунуться на улицу.

— Так я и не прошу, я сама попробую.

— Ну, пробуй, — кивнул он, — А пока пей чай и грейся. Небось, замёрзла?

— Очень, — вздохнула Галина, — Продрогла до самых костей.

— А расскажи, как там люди живут, — попросила её Ниночка.

— Где там?

— Ну, в городе. Я из деревни давно не выбиралась, мне интересно, как там и что, — Ниночка с любопытством на неё посмотрела.

Галине сначала показалась эта просьба странной, а потом решила, что не стоит отказывать в рассказе, да и сама немного отвлечётся от тяжёлых мыслей.

Как хорошо, что ты к нам пришла

Галина Сергеевна просидела у них до самого вечера, но дождь даже и не думал прекращаться. Она с беспокойством посматривала в окно. Пыталась дозвониться сестре, но связь в деревне не ловила. Она написала ей сообщение в надежде, что оно отправится, как только появится связь.

— Охо-хо, как же так-то, — покачала она головой, прислушиваясь к шуму дождя.

Она с беспокойством посмотрела на хозяев избы. Однако никто не переживал, что у них чужой человек в доме. Ниночка что-то вязала крючком, а дед вырезал какую-то фигурку из деревяшки.

— Переночуешь у нас, а потом видно будет, — сказал он, не отрывая глаз от своей поделки.

– Да что же я вас стеснять буду, - вздохнула она.

– А мы не стеснительные. Куда ты сейчас в такую погоду пойдешь? Заблуждаешься еще в темноте. Диван вон есть. Места в доме достаточно. Вот только туалет у нас на улице, но ночью я избу запираю. У нас могут по деревне и дикие звери ходить. В сених срамное ведро стоит. Если умыться надо, то вон умывальник, - махнул дед Василич в сторону раковины.

– Ну всё равно как-то это всё...

– Как? – ухмыльнулся он и посмотрел на нее.

– Да меня свои выгнали, а вы чужие не побоялись приютить, - покачала головой Галина.

– А чего тебя бояться-то? Если только запаха, того и гляди в твоём рюкзаке еда портиться начнет.

– Точно, - спохватилась Галина Сергеевна.

Она эту несчастную грудку уже сутки везде с собой таскала. Молоко она у сестры оставила, а вот курицу забрала. Та еще ей котлет замороженных дала и фаршированные перцы, и немного мосоликов на суп.

– Вот я растяпа, - кинулась Галина к рюкзаку.

– Там в сених у нас холодильник стоит, можешь туда убрать, - сказал дед, - Потом всё заберешь.

Галина Сергеевна поспешила в сени, где действительно обнаружила старенький, но работающий холодильник. Аккуратно разложила продукты, вздохнув с облегчением. Возвращаясь в избу, она заметила на стене фотографии — пожелтевшие от времени снимки, на которых запечатлены молодой дед Василич, женщина с добрыми глазами и маленькая девочка.

— Это ваша семья? — не удержалась она от вопроса.

Дед на мгновение оторвался от резьбы, взглянул на фотографии и кивнул:

— Была. Жена давно уж на том свете.

— А Ниночка... это ваша внучка? — осторожно уточнила Галина Сергеевна.

— Нет, — тихо ответила Нина, не поднимая глаз от вязания. — Я его дочка. Просто выгляжу молодо.

Дед Василич отложил нож и деревяшку, потянулся.

— Ладно, хватит на сегодня. Чайку, что ли, попьём перед сном?

Ниночка молча встала, поставила на плиту печки чайник с водой. Галина Сергеевна, чувствуя себя лишней, предложила:

— Может, я помогу? У меня в рюкзаке есть печенье.

— От печенья мы не откажемся. Да, Ниночка? — ухмыльнулся дед. — А то у нас тут кроме сухарей да варенья ничего сладкого и не водится. Пряники вот последние доели, да Ниночка все карамельки сгрызла.

Чай пили не спеша, под мерный стук дождя по крыше. Разговор не клеился, но тишина была не тягостной, а скорее уютной.

– Ты это, Галина Сергеевна, если тебе скучно, то вон возьми книжку почитай, или Ниночка тебе какой спектакль поставить может, слушаешь.

– Спектакль поставит? – не поняла его Галина.

– Ну да, на пластинках, - закивала головой Ниночка, - У меня много всякого, и музыка есть, тоже на пластинках. Только она теперь, наверно, немодная, но поют всё равно хорошо. Почему бы и не послушать.

– А-а-а, понятно. А телевизор...

Она перевела взгляд на огромный ламповый телевизор в деревянном корпусе, накрытый вязаной салфеткой.

– Он у нас давно не работает, - пояснила Ниночка, - Я иногда включаю, проверяю, шипит и гудит только и всё, а ничего не показывает.

– Так сейчас другие волны, технологии, - пыталась подобрать слова Галина Сергеевна, - Это всё давно устарело. Он и не будет ловить сигнал у вас. Надо другой покупать.

– Да, наверно, - Ниночка растеряно на нее посмотрела.

– Про интернет я даже спрашивать не буду.

– Что? У нас радио есть, - радостно сказала Ниночка, - Но сегодня оно работать не будет, дождь ведь идет. Хочешь, могу дать журналы почитать. Они правда старые, а еще у меня есть журналы «Мод» и «Бурда Моден». Там такие все тетеньки красивые, настоящие модели. Я много чего сшила оттуда. Там хорошие выкройки.

– Да, там хорошие выкройки, - согласилась с ней Галина, - Я ведь когда-то шила и мне это нравилось, - вспомнила она.

– Ой, правда? – обрадовалась Ниночка.

Она вскочила со стула и скрылась за занавеской, которая прикрывала дверной проем в другую комнату. Через пару минут появилась с каким-то недошитым платьем.

– Вот, - Ниночка протянула недоделанную вещь.

Галина отодвинула в сторону чашку с остатками чая и взяла платье.

– Не могу понять, почему пройму тянет, - пояснила Ниночка.

– Ты померь, а я посмотрю, - Галина вернула платье.

– Ага, - Ниночка радостная схватила вещь и убежала в другую комнату.

Дед по-доброму улыбнулся.

– Ну вот, значит, не зря ты к нам пришла. Ниночке поможешь. А то же я в этих тряпках совсем не разбираюсь. Есть чего носить, да и ладно. Прохудилось, заплатку положил и дальше носишь. Это Ниночка у меня модница. Хорошо хоть иногда автолавка привозит ткани, а то бы она у меня без всего этого совсем зачахла.

– А готовые вещи она разве вам не привозит? - спросила Галина и отпила из чашки остывший чай.

– Автолавка-то?

– Ну да.

– Привозит. Но чего она там модное что-то нам привезет? Так для бабок одежду – халаты, ночнушки да ситцевые платья с гамашами, да простыми теплыми кофтами, носки, да галоши. Вот и весь ассортимент. По осени может и зимнюю одежду какую притаранить. А так всё, что попроще да подешевле, - пояснил дед.

– Как же вы тут живете? – спросила с тревогой Галина Сергеевна.

– Нормально живем. Вот до тебя у Никифоровны молодежь гостила. Нам дров заготовила, картошку чуток помогла выкопать, заготовки кое-какие сделали. Грибами вот запаслись, рыбой. На всю зиму теперь хватит.

– Ясно, - вздохнула Галина. – И так люди живут.

– Везде живут, - кивнул он.

Через несколько минут из-за занавески показалась Ниночка в бирюзовом недошитом платье.

– Вот тут посмотри, а то папа ничего не видит. Говорит, что всё хорошо.

Она повернулась спиной к женщине.

– Вот тут надо немного подрезать, а вот здесь чуток повернуть. Отпори, я посмотрю, - сказала Галина.

Весь вечер они провозились с платьем, но в итоге у них всё получилось.

– Галочка Сергеевна, как хорошо, что вы к нам заглянули! – радовалась Ниночка и хлопала в ладоши. - А то я его и так и сяк крутила, и даже на Авдотью натягивала, а все равно ничего не получалось.

– Вот ведь стрекоза, - улыбался дед Василич. – Вот ведь у вас какие ручки золотые, а то Ниночка уже это платье совсем забросила, ходила, расстраивалась.

Перед сном Галина Сергеевна устроилась на диване, укрывшись предложенным одеялом. Свет погасили, только тусклый отсвет луны пробивался сквозь занавески.

Но уснуть не удавалось. Ветер завывал в трубе, ветки скребли по стене, а где-то вдали раздался протяжный, почти человеческий стон.

— Это... что? — испуганно прошептала она.

— Волки, наверное, — так же тихо ответил дед Василич из темноты. — Или ветер. Спи, гостя, не бойся. Двери все закрыты.

Глава 5-6

Упрямая, как коза

Полночи Галина Сергеевна прокрутилась на старом жестком диване, то ей мерещились в темноте какие-то движения в комнате, то кто-то возился под окнами и громко охал и кричал, то ей казалось, что кто-то ходит по чердаку и тихонько скребется в стены. Только тогда, когда на улице снова разразился сильный ливень, ей удалось провалиться в тяжелое сонное забытие. Проснувшись она от разговоров самих хозяев. Они о чем-то негромко переговаривались на кухне. Прислушалась — обычное бытовое общение, ничего интересного.

Она встала с жесткого дивана и стала растирать затекшие руки и ноги.

— Проснулась? — спросил ее дед Василич.

— Проснулась, — кивнула она.

— Как спалось?

— Да так, — она махнула рукой и поморщилась.

— Ночь беспокойная была, — покачал головой старик, — Оно всегда так у нас бывает, когда кто новый в деревню приходит.

— Да я сейчас перекушу да пойду к себе на дачу. Вы мне только направление покажите.

— Ну какая дача? Ты с ума сошла? Вторые сутки дождь льет, не переставая, то просто моросит, а то хлбыщит сверху, словно, кто-то кран открыл на всю.

— Да я дождя не боюсь. Вон и вещи мои просохли около печки.

— А зря не боишься. Он не страшен коли ты дома сидишь под крышей, да около бока печи или по вашим улицам городским бродишь и всяко можешь под крышу забежать и переждать, когда немного стихнет. А на природе такой затяжной дождь может стать угрозой жизни.

— И чем же он мне угроза? — с усмешкой спросила Галина.

— А ты особо не лыбься-то, ишь смешно ей, над стариком потешается, дескать, глупости говорит, — дед на нее сердито зыркнул.

— Да не потешаюсь я, мне просто интересно, чем же он для меня страшен? Намокнуть я не боюсь.

— А простыть и заболеть? А пойти не по тому пути и заблукать так, что вообще никуда не выйти? А провалиться в грязь или в топь? А повстречать на своем пути дикого зверя или лихого человека?

— Вас послушать, так вообще из дома не стоит выходить. Ну не оставаться же мне у вас жить? — возмутилась она.

— Можешь оставаться, место есть. Оплату брать с тебя не будем. У нас не нравится, можно к соседкам на постой попроситься, а то и занять пустующую избушку. Сама же говорила, что жить тебе негде, так у нас все куда лучше, чем на заброшенных дачах.

— Зачем вам все это нужно? — испуганно спросила Галина Сергеевна.

— Вижу я, человек ты неплохой, и много еще хорошего можешь сделать. Поэтому и не хочу, чтобы ты зазря пропала, — покачал головой дед Василич.

Галина Сергеевна замолчала, потянулась, чувствуя, как хрустят затекшие суставы. Она подошла к окну и отдернула занавеску. За стеклом бушевала настоящая стихия — дождь лил стеной, превращая дорогу в бурлящий поток, а ветер гнул мокрые ветви деревьев до самой земли.

— Ну и погодка... — пробормотала она, потирая холодные руки.

— Ага, вот про что я тебе и говорю, — хрипло отозвался дед Василич. — В такую-то только чай пить да сказки рассказывать.

— Сейчас чутко стихнет, да я пойду. Не хочу вас обременять.

— Вот ведь коза упрямая, — нахмурился дед, — Делай, как знаешь. Надеюсь, не сгинешь, а назад вертаешься.

— Надеюсь, я в дачный поселок попаду и найду свою дачу, — ответила она.

Завтракали молча. Ниночка не смотрела на Галину Сергеевну. Она переводила свой взгляд то на улицу, где бушевала непогода, то на деда.

— Тебе не надо идти туда, — наконец выдала она, — Там холодно и страшно, и там бродят голодные они. Нет солнца, и им все равно, день теперь или ночь.

— Они — это волки? — напряглась Галина Сергеевна.

— И волки тоже, — кивнула Ниночка, — Дед в прошлый раз забрал у них парня, не отдал, вот теперь они и бродят, ищут себе еду.

Галина ничего не понимала и перевела свой взгляд на деда.

— Как это понимать? — спросила она.

— Как хошь, так и понимай, — пожал он плечами.

За окном стихла стихия. Дождь из ливня перешел в морось. Галина Сергеевна засоби-ралась. Старик только покачал головой, смотря на ее сборы. Она поблагодарила хозяев и уже готова была выходить, как дед ее остановил.

— Погодь. Ты в этих чувяках собралась идти по лесу?

Он кивнул на ее кожаные ботинки.

— Да, а что? Они высохли, так что все нормально, — Галина с удивлением посмотрела на старика.

— Ты совсем, что ли, малахольная? Ты и двух шагов не сделаешь в своих ботах, потеря-ешь их в грязи. Размер ноги у тебя какой? — спросил он.

— Тридцать девятый был.

— У жинки моей сороковой был. От нее хорошие сапоги остались, резиновые. Как раз по такой погоде ходить. Погодь немного, я тебе достану их, а потом можешь хоть на дачи, хоть к черту на кулички идти.

— Папа, и дай ей дождевик, — сказала Ниночка.

— Так я, может, это все вам вернуть не смогу, — ответила Галина.

— Не вернешь — не велика потеря, а то, может, посидишь на своих дачах, да к нам гостеваться придешь, вот все и принесешь обратно с гостинцами.

Галина посмотрела на пузырящуюся грязь за порогом и не стала отказываться. Дед куда-то залез по лестнице вверх в сених.

— Куда это он? — спросила она.

— На подловку, на чердак, — ответила Ниночка, — Ты возвращайся к нам. Ты хорошая.

— Да-да, — рассеянно кивнула Галина.

Дед, кряхтя, слез с лестницы, бросил на пол болотного цвета сапоги с высоким голенищем и какой-то сверток.

— Это вот плащ-палатка. Она не промокает. Еще незнамо с каких времен осталась, — сказал он, разворачивая сверток, — Она хорошая, хоть и страшная на вид. Но тебе не на показ мод, а чтобы не промокнуть. А сапоги погодь, не пяль на себя, я их потрясу, а то мало ли кто там может быть. Вдруг какая мышь залезла и сдохла.

Он приоткрыл дверь из избы, потряс сначала плащом, стряхивая пыль, а потом постучал друг об друга сапогами.

— Держи, — протянул он ей сапоги, — На шерстяной носок отлично подойдут. Носки-то шерстяные у тебя есть?

— Есть, — кивнула Галина Сергеевна и принялась рыться в сумке.

Оттуда она извлекла пару самовязных носков, которые ей презентовала сестра. Она вспомнила про нее и полезла к телефону — связи по-прежнему не было. Однако сообщение числилось в доставленных.

— Значит, прочитала, — пронеслось у нее в голове. — А ответ где-то по дороге застрял. Галина Сергеевна натянула поверх одежды плащ-палатку, от которой пахло пылью и еще чем-то неприятным, всунула ноги в сапоги. Голенище уперлось ей под колено.

— Ух ты, какие высокие, — удивилась она.

— Самое то по грязи шастать. Еще меня добрым словом вспомнишь, когда в грязюку провалишься.

— Да я и так вас не забуду — удивительные вы люди и не побоялись незнакомку приютить.

— Да нам уж бояться нечего, уже свое отбоялись, — дед махнул рукой, — Ты это, если чего — возвращайся, разберемся с жильем.

— Ага, спасибо вам, — улыбнулась Галина.

— И тебе спасибо, — кивнул он. — Можя, останешься? Ну куда в такую погоду тащиться?

— Пойду я, — уперлась она.

— Ну как знаешь, — вздохнул дедок.

Галина Сергеевна подхватила свои сумки и вышла из избы под морозящий дождь. На плетне сидел огромный черный петух и внимательно на нее смотрел желтым глазом. Когда она проходила мимо него, он громко и истошно заорал.

— Вот ведь птица неугомонная, — замахал руками на петуха дед Василь. — А ну быстро пошел в курятник.

Петух взлетел и перебрался на соседнее дерево. Там он смотрел на Галину сквозь мокрые ветки.

Галина попрощалась и пошла по дороге, увязая по щиколотку в грязи. Она обернулась, но дед уже ушел в избу, и только сверху на нее посматривал черный петух. С неба моросил дождь, а изо рта шел пар.

Мать, давай я тебя подвезу

Галина Сергеевна шла по чавкающей грязи, периодически проваливаясь по щиколотку в грязь. Добрым словом вспоминала деда, который отдал ей резиновые сапоги. Она представила, как набрала бы полные ботинки жижи. А так, хоть и тяжело было тащить их на себе, но хотя бы ноги сухие. Она повернула на тропинку и заскользила по мокрой траве. Шла и смотрела себе под ноги, чтобы не поскользнуться и не упасть. Снова думала о своей жизни, и все эти думы были какими-то горькими и тяжелыми.

По ее подсчетам, она через некоторое время должна была оказаться рядом с лесом, но каково же было ее изумление, когда она уперлась в старую ржавую остановку.

— Опять не туда свернула, — охнула Галина Сергеевна.

Она поставила сумки на то, что когда-то было лавкой, и тяжело вздохнула.

— Сейчас немного передохну и пойду дальше. Вот ведь прошла всего ничего, а уже задохнулась. Старость не радость, — подумала она.

Галина обернулась — вдалеке виднелись старые домишки, почерневшие от времени. Из печных труб вился дымок. В окнах горел свет. И ей так захотелось вернуться, сесть около печки, налить горячего чая и просто смотреть, как горят поленья.

— Надо сидеть около своей печки, — нахмурилась она, — А не греться около чужого огня.

В одной из изб отворилась дверь. Оттуда вышла сгорбленная женская фигура во всем черном. Она приложила руку козырьком ко лбу, а потом помахала Галине Сергеевне. Та махнула ей в ответ, дескать, я сама попробую добраться до дачи.

Она услышала, как ломаются ветки, словно кто-то тяжелый идет в ее сторону. Галина схватила сумку и выставила ее вперед, готовясь защищаться ей. Ветки раздвинулись, и на заросшую дорогу вышел молодой мужчина лет тридцати.

— Мать, там у меня машина застряла, помоги вытолкнуть, а я тебя за это отвезу куда скажешь, — проговорил он.

— Да как же я тебя вытолкаю? — с удивлением спросила она. — У меня и сил столько нет. Сейчас такая грязь, тут только за техникой идти. Вон деревенька через поле, дойди туда за помощью. Может там тебе помогут.

Галина Сергеевна смотрела на него во все глаза и никак не могла понять, что с ним не так. Что-то в нем было не то, что-то противоестественное, но она никак не могла уловить это. Она прищурилась, пытаясь разглядеть странного мужчину сквозь пелену дождя. Его лицо казалось слишком гладким, будто вылепленным из воска, а движения какими-то резкими, будто он только учился управлять своим телом.

— Ну что стоишь, мать? — повторил он, и голос его прозвучал неестественно высоко, будто кто-то передразнивал человеческую речь. — Пойдем, машина рядом. Она не сильно увязла, только подтолкнуть чуток, а я тебя до места подброшу.

Он сделал шаг вперед, и Галина инстинктивно попятилась назад, натываясь на ржавую остановку. В этот момент она, наконец, поняла, что так смущало ее: на его сапогах не было ни единого пятнышка грязи, хотя вокруг все утопало в жиже, да и сам он был абсолютно сухим.

— Я... Я не пойду, — прошептала она, сжимая ручки сумок. — Мне в другую сторону. Мне туда не надо. Ищите помощь в другом месте.

Мужчина замер, затем медленно наклонил голову под неестественным углом. Его шея хрустнула, как сухие ветки.

— Все идут со мной, — произнес он, и теперь в голосе явственно слышалась угроза. — Все. И ты пойдешь.

Он протянул к ней руки и дернул за сумку, которую она выставила перед собой. Галина Сергеевна не ожидала этого и выпустила ее. Смердящий дух донесся до нее сквозь пелену дождя. Ледяной ужас пронзил ее насквозь. Она резко развернулась и бросилась бежать, не разбирая дороги. За спиной раздался странный звук — нечто среднее между смехом и шипением.

Ноги вязли в грязи, скользили по траве, дождь хлестал по лицу, но она бежала, не оглядываясь, пока впереди не показались огни деревни. Только тогда она осмелилась обернуться — около остановки никого не было, да и поле тоже было пустым. Галина Сергеевна остановилась, согнувшись и хватая ртом воздух. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Боже, что это было? — прошептала она, сжимая виски.

Она стала озираться, ища глазами свою сумку, но ее нигде не было. Вернуться к остановке не решилась. Ей все казалось, что чьи-то злые глаза наблюдают за ней из леса. Галина немного потопталась и медленно побрела в сторону деревни, каждый шаг давался с трудом — ноги подкашивались от пережитого страха. Дождь усилился, превратившись в сплошную водяную стену. Сквозь пелену воды огни в окнах казались размытыми желтыми пятнами.

— Лучше бы я у чужих людей в доме осталась, — вздохнула она, — И сумку с вещами потеряла, и сама вся промокла, и такого ужаса натерпелась.

Вдруг она сначала почувствовала смрад, а потом услышала чьи-то тяжелые шаги за спиной.

— Мать, мать, ты сумку потеряла. Я ее в машину положил, поехали, довезу до места.

Она обернулась, позади нее стоял тот же мужчина и жутко улыбался.

До дома Василича оставалось каких-то триста метров.

— Нет-нет, спасибо. Мне никуда не надо, — попятилась она.

— Надо, — он протянул руку и попытался ее схватить. — Ты же сама хотела отсюда уйти.

Его пальцы были слишком длинными, с ногтями неестественного синеватого оттенка. Он сделал шаг ближе. Запах гнили стал невыносимым. Белесые глаза не моргали и таращились на нее.

С диким воплем на него упало что-то огромное и черное. Галина Сергеевна с ужасом наблюдала, как черный петух пытается клюнуть жуткому мужчине в глаз. Она рванула вперёд, не разбирая дороги. За спиной раздавались странные звуки — хлопки, шипение, скрежет, птичьи крики. Она бежала, спотыкаясь о кочки, чувствуя, как мокрая одежда тяжёлым грузом тянет вниз.

Последний рывок — и Галина оказалась у знакомой избы деда Василича. Дверь была приоткрыта, из щели лился тёплый жёлтый свет. Без раздумий она ворвалась внутрь, захлопнув дверь за спиной.

Галина Сергеевна опустилась на лавку, трясаясь всем телом. Только сейчас она заметила, что дверь и стены в сених все исписаны странными символами, нарисованными чем-то темным.

— Что... Что это было? — с трудом выдавила она.

Дед Василич тяжело вздохнул и подошел к маленькому окошку, прикрытому плотной занавеской.

— Сымай мокрую одежду, да иди греться к печи. Сейчас Ниночка горячий чай нам организует.

Он не ответил на ее вопрос.

— Там-там кто-то был, — трясаясь от страха, сказала Галина Сергеевна.

— Там всегда кто-то есть, — сказал дед. — Переодевайся в сухое, а то простынешь. Я же говорил, что тебе в такую погоду никуда ходить не надо.

Галина Сергеевна дрожащими руками сняла мокрый плащ, стянула грязные тяжелые сапоги. На удивление, верх был весь сухой, чего не скажешь про джинсы. Они всё же промокли насквозь и испачкались, когда она убегала от жуткого незнакомца.

— Я сумку с вещами потеряла, — тихо проговорила она с тоской в голосе. — Вернее, ее у меня отобрали.

— Не переживай, найдем мы тебе одежду сухую и чистую, у нас разного барахла полно, — махнул дед рукой.

Ниночка принесла ей коричневую юбку из грубой шерстяной ткани.

— Как школьная форма, — провела по ней рукой Галина Сергеевна.

— Надевай, не стесняйся, чистое, — велел дед.

— Спасибо вам за это, — вздохнула она.

Ниночка поставила на стол жестяной чайник, из носика валил густой пар. В воздухе пахло мятой и какими-то пряными травами.

— Пей, — коротко сказала она, наливая чай в жестяные кружки. — От нервов и чтобы согреться. Я туда еще шиповника добавила, чтобы ты не заболела. Бери мед.

Она пододвинула к ней баночку с желтым крупяным медом. Галина кивком поблагодарила, обхватила ладонями горячую кружку, чувствуя, как тепло постепенно возвращается в оочевенные пальцы.

— Василич... — начала она, но старик резко поднял руку.

— Не сейчас. Сначала чай выпей, а потом поговорим.

Печь пытела жаром, но холод внутри не отпускал. Галина прижалась к теплым кирпичам спиной и припала к кружке. Постепенно из тела стало уходить напряжение.

Глава 7-8

Никто тебя не прогонит

Ниночка допила свой чай, молча встала из-за стола и ушла к себе в комнату.

— Что это было? — тихо спросила Галина Сергеевна, хмурясь.

— Осень, непогода, дождь, грязь, — ответил ей дед Василич, пожимая плечами.

— Я не про дождь и грязь, я про того человека спрашиваю.

Она внимательно посмотрела на него.

— Про какого человека? — поинтересовался дед, — У нас все деревенские по домам сидят, в такую погоду никто и носа не высунет.

— Мужчина молодой, лет тридцать ему, лицо такое бледное, глаза мутные, то ли пьяный, то ли еще какой. Улыбка у него страшная и руки жуткие. В чем одет — толком не запомнила. Маньяк какой-то. Ботинки у него еще чистые были и дождь на лицо не попадал. Он меня в лес пытался утащить, говорил, что у него машина застряла и толкнуть надо, обещал довезти до места. Еще и сумку из рук выдрал, хорошо, что рюкзак на спине под плащом был, а то бы и его потеряла.

— Это не деревенский, — помотал головой дед Василич. — Не знаю я таких.

— Он жуткий такой, и воняло от него, как от какой-то падали. У вас тут маньяки бродят по окрестностям, а вы ничего не делаете, — возмутилась она.

— А что мы можем сделать? — спросил ее старик с удивлением. — Пристрелить? Так мы в такую погоду в лес не ходим, по домам сидим.

— Полицию вызвать!

— Вот ты возьми и вызови, — усмехнулся он.

Галина Сергеевна с досадой отодвинула от себя кружку с чаем.

— Да у вас тут телефон не ловит! — рассердилась она, чувствуя, как страх сменяется раздражением.

— И у нас не ловит. Да и вообще мы таких тут не видели, — спокойно парировал ей дед.

— Еще скажите, что я с ума сошла и у меня галлюцинации.

— Ничего я такого тебе не скажу, ибо не знаю, на кого ты там наткнулась в дожде. Говорил же, что по такой погоде бродить не стоит. Такая погода к прогулкам вообще не располагает, — нахмурился он.

Галина Сергеевна тяжело вздохнула и закрыла глаза. В голове снова всплыл тот жуткий образ: бледное лицо, мутные глаза, кривая улыбка. Она содрогнулась.

— А если он еще там? — с тревогой проговорила она. — Если он пойдет по домам?

Дед Василич налил себе еще чаю, не спеша размешал сахар.

— С чего ты это взяла? — спросил он. — В такую погоду даже звери по норам сидят. Да и не наш он.

— Как это «не наш»?

— Чужой. Случайный. Проходимец. Пришлый. Такие обычно не задерживаются.

— А если задержится?

Старик поднял на нее взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то тяжелое.

— Тогда, Галина Сергеевна, и будем думать. Если что, то в каждом доме топор и ружье есть — отобьемся. У нас тут жители не робкого десятка, мы еще ого-го. Или ты думала, мы тут все беззащитные?

Тишина повисла в комнате, нарушаемая только стуком дождя по крыше. Ниночка из-за двери тихо вздохнула.

Галина Сергеевна встала, подошла к окну. За мутным стеклом клубился туман, и казалось, что в его глубине бродят какие-то тени. Ей послышались тяжелые вздохи.

— И что мне теперь делать? — устало спросила она. — Сколько этот дождь идти будет?

— Никто не знает, — пожал плечами дед. — Можешь у нас оставаться, мы не прогоним, можешь к соседкам на постой попроситься.

— Ну и как это выглядеть будет? Что я у вас тут чужой человек живу, с улицы пришла и поселилась.

— Ты вообще о чем думаешь? — не понял ее Василич. — Живи, никто тебя не гонит. Чужая, не чужая, человек же, не зверь какой дикий.

— А если дождь будет идти неделю, или даже две? И все это время я у вас жить буду?

— Ну да, — кивнул он. — И три, и даже месяц, живи сколько хочешь, — пожал он плечами и глотнул чая из кружки. — Хоть всю осень и зиму.

— Ну да, и будете рядом с собой терпеть чужого человека? — она с усмешкой на него посмотрела. — Меня свои терпеть не захотели — выгнали.

— Значит, такие свои, — пожал дед плечами. — Не хочешь с нами жить, так мы тебе можем пустой домик выделить. Все равно ты в такой дождь уйти от нас не сможешь, вернее, смочь-то сможешь, а вот насколько далеко — никто не знает. В такую погоду и сгинуть недолго.

— Я уже поняла, тем более если в окрестностях бродят всякие странные личности, — вздохнула она.

— Вот что, Галина Сергеевна, давай так: я сейчас добежу до пустого домика, там печь затоплю, как чуток все прогреется, так пойдем с тобой смотреть. Если все устроит, так там останешься ночевать, а дальше, как получится, все будет зависеть от погоды. Лады?

— Лады, — кивнула Галина Сергеевна. — А точно у этого дома хозяев нет? А то придут родственники и будут возмущаться, что кто-то чужой у них поселился.

— Нет, никого нет, — помотал он головой. — Не переживай. Да и по такой погоде точно к нам никто не доберется.

Дед Василич натянул на себя старый прорезиненный плащ, шапку-ушанку и, нехотя покряхтывая, вышел в непогоду. Галина Сергеевна осталась у окна, смотреть, как его фигура растворяется в серой пелене дождя.

— Он страшный? Ну тот мужик, — Ниночка вышла из своей комнаты.

— Да, напугал меня сильно, — кивнула Галина Сергеевна. — И пахнет нехорошо. Ненормальный какой-то.

— Ты не бойся, он к дому подойти не может.

— Почему? — она посмотрела на нее с удивлением.

— Потому что... — улыбнулась Ниночка.

— Калитка у вас не запирается, собаки нет, легко может к дому подойти.

— Не может, — помотала головой Ниночка. — Это человек зайти может, а он нет.

— Ничего не поняла, — Галина Сергеевна потеряла виски. — Хочешь сказать, что он не человек?

— Да, — кивнула Ниночка.

— А кто? Он выглядит как человек и говорит как человек. Явно не инопланетянин и не рептилоид.

— А кто такой рептилоид? — Ниночка посмотрела на нее с любопытством.

Галина Сергеевна вздохнула, понимая, что запуталась в этом странном разговоре.

— Ладно, неважно. Ты говоришь, он не человек. Тогда что же это?

— Это болота.

— Болотный житель? — Галина Сергеевна нахмурилась.

Ниночка подошла к окну и прижала ладонь к мокрому стеклу.

— Не совсем житель... — прошептала она. — Когда дождь идёт слишком долго, болота просыпаются и посылают своих.

— Своих что кого? — Галина Сергеевна почувствовала, как по спине побежали мурашки.

— Голодных.

Снаружи ветер внезапно ударил в ставни, заставив обеих вздрогнуть. Ветер принёс с собой новый запах — затхлый, сладковато-гнилостный, точно такой же, как от того человека в лесу.

— Они приходят за теплом, — продолжала Ниночка, не отрывая взгляда от окна. — За дыханием. За самой жизнью.

Галина Сергеевна резко обернулась. В углу комнаты что-то шевельнулось. Тень? Или просто игра света? Или это расшалившиеся нервы?

— Ты... ты серьёзно веришь в эту чушь?

— Это не чушь, — Ниночка помотала головой. — Ты сама его видела.

Галина отказывалась во все это верить.

— Сюрреализм какой-то, — она нервно поправила волосы. — Ты просто хочешь меня напугать, чтобы я никуда не уходила.

Ниночка посмотрела на нее внимательно, но ничего не стала отвечать и снова уставилась в окно.

— Летом у нас хорошо, — улыбнулась она. — Практически все растёт. Мы с папой огород сажаем. Этим летом в деревне жила Ляля с Лизой. Так мы с Лялей на рыбалку ходили, рыбу ловили. Много поймали, даже консервов наделали. Это лето хорошее было. К нам еще мужчины приходили, один почти как принц, но не принц. Они нам дров помогли заготовить, так что зиму мы переживем. В том доме тоже должны быть дрова.

— А куда они все делись, те которые у вас жили? — спросила Галина Сергеевна.

— Ушли, — ответила Ниночка. — У них своя жизнь, у нас своя.

— Ясно.

Она прислушалась к дождю.

— Ты за вещи не переживай, папа потом сходит в лес, поищет их. Если не найдет, то мы тебе одежду какую-нибудь соберем, — сказала Ниночка. — Ты шить умеешь, может, и пошьешь себе чего, будет чем заняться по вечерам.

— Ну да, — хмыкнула Галина Сергеевна. — Было бы из чего.

— Я тебе ткань дам, у меня много. Папа мне каждый раз покупает, когда автолавка приезжает.

— И часто к вам автолавка приезжает? — спросила Галина Сергеевна.

— Не часто. Сейчас вот дожди пошли, теперь точно в ближайшее время не приедет. А вы знаете какие-нибудь рецепты? А то мы едим одно и то же, хочется чего-нибудь такого приготовить.

— Знаю что-то, надо только вспомнить.

— А пироги вы печь умеете? У нас раньше Акинишна пекла, но у нее они что-то перестали получаться. Теперь только хлеб печет.

— Умею, я много чего умею, — кивнула Галина.

— Ой, как хорошо, — обрадовалась Ниночка.

За разговорами Галина Сергеевна успокоилась. Страх от встречи со странным мужиком отошел в сторону. Она решила, что Ниночка все это выдумала, чтобы гостя не ушла, или отец ей рассказывает всякие страшные истории, чтобы опасалась незнакомцев и не ходила в лес в одиночку.

— Да, так оно и есть, — подумала Галина.

Она вздохнула, вернулась к столу и потянулась за чайником.

«Ну и глупости мне Нина наговорила, — подумала она, наливая себе чай. — Болотные жители, голодные духи... Видно, сказывается деревенская изоляция. Людям тут нечем заняться, вот и фантазии разыгрываются».

Она прислушалась к дождю за окном. Ливень не утихал, но теперь его стук казался почти успокаивающим.

«Хотя этот мужик в лесу и правда был странный, — мелькнуло у неё в голове. — Но явно же просто местный алкаш или псих, а может извращенец какой бродит по окрестностям. Никакой мистики».

Что-то уже не хочется

Дед вернулся через полчаса. Он тяжело опустился на лавку, скидывая мокрые и грязные сапоги.

— Еле печку растопил. Дрова хоть и под навесом лежали, а всё равно воду впитали. В избе тоже сыро, — сказал он, стаскивая с себя мокрый плащ. — Часик туточки посидим, а потом можно будет и в дом идти. Своим хозяйским глазом глянешь, что к чему.

— За это время в избе тепло станет? — спросила Галина Сергеевна.

— За это время только один бок печки нагреется, — хмыкнул он. — Но тебе же не терпится от нас уйти.

Галина опустила глаза.

— Вот честно, хочется одной побыть со своими мыслями. Всё, что у меня произошло в жизни, обдумать, — вздохнула она.

— А ну, это дело хорошее. Тут ты права, у всех избушки крошечные, никто тебе отдельной комнаты не предоставит, — согласился с ней дед Василич. — Там у прежних хозяев вся посуда осталась, текстиль какой, подушки, одеяла. Хотя рекомендую подушки с одеялами около печи пристроить, чтобы хоть частично просохло всё. А то на мокром спать как-то некомфортно будет.

Дед Василич вытер лицо ладонью, оставив на лбу грязный след.

— Да и спички возьми, — добавил он. — А то там сырые. Сейчас я тебе из шкафа дам.

Галина Сергеевна кивнула.

— А дров там хватит?

— На ночь — с головой. Утром, если дождь стихнет, ещё принесу.

Ниночка тем временем выставила на стол банку с вареньем, хлеб и маленькую баночку с мёдом.

— Возьмите с собой, — сказала она, заворачивая хлеб в тряпицу. — На первое время.

Галина Сергеевна хотела отказаться, но дед перехватил её взгляд:

— Бери. Нам не жалко. Чай попьёшь. Ох, а заварки-то там поди тоже нет или отсырела вся, — засуетился он.

— Не надо, у меня свой чай есть. Я же на дачу шла, еды с собой прихватила. Хорошо, что этот у меня рюкзак не украл.

— Тогда я тебе всяких ароматных листочков дам, — деловито сказал дед. — Не переживай, у нас много. Всяких засушили, даже можно вместо чая заваривать, если он у тебя кончится. Ниночка, а где у нас кипрей? Тот, что вы с Лялей собирали.

— Папа, сейчас я всё найду, не суетись, посиди, отдохни, я сама. Галина Сергеевна, тебе картошки дать?

Галина с изумлением смотрела, как ей по сути незнакомые люди собирают нехитрую снедь с собой.

— Мне как-то неудобно перед вами, — промямлила она. — Не надо ничего, у меня есть еда.

— Это тебе сейчас кажется, что не надо ничего, а потом соберёшься готовить — то одного не хватает, то другого, а к соседям в такую погоду не набегаешься.

— Спасибо вам большое, — прослезилась Галина Сергеевна.

— Всегда пожалуйста, чать не помрём с голода зимой, — покачал головой дед.

— Да там полный погреб запасов, — сказала Ниночка.

— Так я надеюсь до зимы от вас уйду.

— Так надеется тебе никто не мешает, а вот от еды не отказывайся. Как дождик потише станет, так я за твоими шмотками схожу. Вдруг он их тут где-то рядом бросил, - сказал дед Василь. - Зачем ему бабьи вещи.

— Надеюсь, не распотрошил сумку, — покачала головой Галина.

— Не думаю, что ему твои вещи нужны.

— Спасибо вам, - она снова их поблагодарила.

Дед Василич махнул рукой, отмахиваясь от её благодарностей.

— Ладно, собирайся, — буркнул он, набивая старую авоську картошкой, луком, и ещё какими-то овощами.

Галина Сергеевна сжимала рюкзак, чувствуя, как в горле комом встаёт что-то тёплое и колющее.

— Вы... вы такие добрые...

— Да брось, — дед отвернулся к печке, будто смутился. — Обычное дело.

— Давайте перед тем, как идти, чай попьем, — предложила Ниночка.

— А там вода есть? — спохватилась Галина.

— Во дворе колодец. Я ведро воды уже принес. Потом сама себе носить будешь. Туалет в конце огорода, но я бы пока не рекомендовал им пользоваться, - пояснил дед Василич.

— Почему?

— Потому что ему сто лет в обед. Провалишься ещё. Как дождь стихнет, так я его посмотрю. Если чего надо, то ходи куда-нибудь на зады или в ведро. Там в сених найдёшь подходящее.

Дед налил чай в цветастые кружки, добавил ложку мёда. Чай оказался крепким, с горьковатым привкусом лесных трав.

— Выпей до дна, — сказал дед. — Согреешься, взбодрись, дрожать перестанешь, мысли дурные рассеются.

Они сидели в молчании, слушая, как дождь бьёт по крыше. Вдруг Ниночка встрепенулась:

— Папа, а ты проверил, не течёт ли в той избе крыша?

Дед хлопнул себя по лбу:

— Чёрт, совсем забыл! В прошлом году шифер в двух местах треснул. Галина Сергеевна, как придёшь — сразу посмотри под окнами. Если лужи будут — постели тряпки.

Галина кивнула, чувствуя, как тревога снова подкрадывается к сердцу. Этот домик казался ей теперь не убежищем, а ловушкой.

— Может... может, я всё же останусь здесь? — неожиданно для себя спросила она.

Дед и Ниночка переглянулись. В их взгляде мелькнуло облегчение.

— Как знаешь, — сказал дед. — Места хватит. Только вот... — он замялся. — У нас тут свои порядки. После заката не выходи из избы, что бы ни услышала, и окна не открывай.

— Какие ещё порядки? — насторожилась Галина.

— Деревенские, — коротко ответил дед, отворачиваясь к печке. — Ты в чужом доме, вот и соблюдай.

— Да я и не собиралась выходить, да и окна в такую погоду открывать не буду, — она с удивлением на него посмотрела. — Да и не собираюсь поперек хозяев что-то делать или лезть.

— Вот и правильно, и объяснять ничего не надо, всё с первого раза поняла, — кивнул Василич.

Ниночка вдруг вскочила и подбежала к окну:

— Папа, смотри! — её голос дрожал. — Опять они...

Дед резко поднялся, заслонив собой Галину Сергеевну. За окном, в крошечной тьме, мелькнули бледные огоньки — будто кто-то бродил с фонарём по дороге.

— Ничего, — пробормотал дед. — Просто болотные огни. Давайте допьем чай, да обратно будем разбирать вещи.

Дед Василич резко дернул занавеску, закрывая окно.

— Хватит глазеть, — буркнул он Ниночке. — Давай чего-нибудь перекусим, а то одним чаем сыт не будешь. Чего кишки водой полоскать.

Но она не шевелилась, будто прикованная к окну. Галина Сергеевна заметила, как дрожат её плечи.

— Что там? — прошептала она.

Дед тяжело вздохнул и подошёл к печке.

— Болотные огни. Когда дождь долгий идёт — всегда появляются.

— Но это же просто природное явление...

— Вот и я о том же, а она каждый раз пугается, - проворчал он.

Но Нина не двигалась с места, впившись пальцами в подоконник. Галина Сергеевна вдруг поняла — они боятся, боятся того, что приходит с дождём.

И теперь она останется сегодня с ними, в этой тёплой, пропахшей дымом избе, в этой маленькой забытой деревушке, где за каждой тенью, за каждым шорохом скрывается нечто, о чём не принято говорить вслух.

Дождь за окном усилился, превратившись в сплошную стену воды. Казалось, он отрезал их от всего мира — и теперь только эти стены защищают от того, что бродит там, во тьме...

Глава 9-10

Навела свои порядки

Спала Галина Сергеевна плохо, можно сказать, что толком и не спала. То полночи ворочался дед за печкой и тяжело вздыхал, то начала подхрапывать Ниночка, то ей мерещилось, что кто-то шлепает под окнами по грязи и лужам и поет какие-то странные заунывные песни. Удалось ей уснуть только на пару часов.

Сны были тяжелыми и безрадостными. Сначала снились сыновья. Они выговаривали ей то, что она не оставила завещания, и теперь они не знают, как поделить между собой несчастную «трешку» и дачу. Потом снился тот бледный мужик. Он смотрел на нее своими рыбьими глазами, а затем растянул рот в подобие улыбки, и изо рта полилась болотная жижа. От этого она и проснулась, и еще минут пять не могла унять сердцебиение и прийти в себя после такого сна.

На кухне кто-то тихо переговаривался. Она прислушалась. Дед Василич с кем-то разговаривал. Голос был надтреснутый, старый, скрипучий.

— Тоже нашел куда бабу тащить, — выговаривал старушечий голос. — А то домов получше не нашлось. Там и крыша потекла, и кое-где полы прогнили. Надо бы перебраться там добро, пока не сгнило, да не заплесневело, да окна с дверями заколотить. Не проснется там больше никто никогда, и жить не сможет. Ты бы дом Петровых или Никитишны предложил. Все получше, чем Анфискин дом. Зря только дрова потратил.

— Ну а вдруг... — начал дед.

— Разберемся, — нетерпеливо перебила его старуха. — Ей надо мысли привести в порядок, а не на вас любоваться. Все в одной комнате, как кильки в банке.

— Ну не в одной комнате-то. Может, вывести ее к дачам?

— Куда ты ее выведешь? Сгинете оба. Болота, будь они не ладны, как некстати активизировались. И чего им надобно?

— Забрали у них служивого, вот они теперь новую жертву ищут, — вздохнул дед.

— Обойдутся, — фыркнула старая. — Кажись, наша голубка проснулась.

Галина Сергеевна встала с дивана, отодвинула занавеску и вышла на кухню.

— Доброго утра, — проговорила она.

— Доброго, — кивнул дед Василич. — Это Авдотья Степановна, а это Галина Сергеевна.

— Доброго утра, Галина Сергеевна, — поздоровалась с ней Авдотья.

Галина Сергеевна кивнула, разглядывая старуху. Авдотья Степановна была крупной, с острым носом и живыми черными глазами. Одета она была в коричневую длинную юбку и самовязную кофту темного винного цвета.

— Садись, гостья, чай пить будем, — буркнула Авдотья, похлопав ладонью по столу. — Василич, ставь чайник.

— Он у меня всегда стоит, — хихикнул дед и засуетился.

— Я вот пирожочков напекла с утра, решила соседей угостить, а тут оказывается у них гостья.

— Да я не совсем гостья, — вздохнула Галина Сергеевна. — Заблудилась в лесу и вышла к деревне, а не к дачам. Добрые люди вот приютили.

— Хорошо хоть к деревне, а не к болотам, — кивнула Авдотья. — А то бы беда была.

Галина Сергеевна села за стол, чувствуя, как тяжелый сон давит на плечи. Авдотья Степановна развернула замотанную в толстое полотенце миску и открыла румяные пирожки, от которых потянуло теплым душистым паром.

— Кушай, милая, — сказала старуха, пододвигая тарелку. — С капустой, с картошкой и грибами есть. Выбирай, какие по нраву.

Галина Сергеевна взяла один, отломала кусочек. Тесто было мягким, начинка — горячей и ароматной. Она даже не осознавала, как проголодалась за эти странные сутки.

— Спасибо, — пробормотала она, чувствуя, как тепло разливается по телу.

— Нинок, Василич, а вы чего сидите за столом, словно в гостях? Я кому пирожки принесла? Сами-то не печете. Или вы сытые? — спросила Авдотья.

— Мы еще не завтракали, — помотала головой Ниночка, шумно вдыхая аромат пирожков.

Старуха пододвинула к ней миску.

— Выбирай, смотри, какие ароматные да румяные.

Ниночка схватила пирожок и откусила сразу половину.

— Не подавись, — буркнул дед, разливая всем чай по чашкам. — Словно никогда пирожков не видела.

Авдотья наблюдала за Галиной исподлобья, черные глаза блестели, будто угольки.

— Так-то, — протянула она. — Заблудилась, говоришь?

— Да, — вздохнула Галина Сергеевна. — Шла от железной дороги к даче, решила путь сократить, пошла по тропке, что в лесу, а потом споткнулась, да не туда повернула. А после вообще дождь ливанул.

— А чего тебе на дачах понадобилось в такое время года? — спросила Авдотья. — Сезон вроде кончился, или сейчас как-то по-другому люди за дачами следят?

— Жить я туда ехала.

— У тебя там дом хороший?

— Да так, летний дом, есть печка-буржуйка, — задумчиво ответила Галина Сергеевна.

— А там, где ты до этого жила, совсем все плохо?

— Дети меня из дома выгнали, — призналась она.

— Это почему? — удивилась Авдотья.

— Решили, что я слишком много места занимаю, — с горечью в голосе проговорила Галина Сергеевна.

— Эх, куда мир катится: то родители детей выгоняют, то дети родителей, — покачал головой дед Василич.

— Вот что, милая, ты тут со своими дачами не выдумывай. У нас в деревне полно пустых домов. Сейчас подходящий тебе подберем, да и живи сколько хочешь, хоть всю оставшуюся жизнь, — сказала Авдотья.

— У вас тут около деревни кто-то страшный ходит, — ответила Галина Сергеевна.

— А там думаешь, по пустому дачному поселку никто не ходит? — хмыкнула Авдотья. — И там злых людей хватает. Здесь хоть дома капитальные и печи нормальные, да и соседи мы хорошие, никого не обижаем, и с продуктами, и с вещами поможем. Как дорога нормальная появится, подсохнет или подмерзнет, так и уйдешь из деревни, если захочешь.

— У нас хоть все свои, — добавил дед Василич, откусывая кусочек от пирожка. — Все друг друга знают, друг за друга горой. А на дачах зимой — хоть волком вой. У нас хоть знаешь, от кого прятаться. А в городе — кто вчера был тебе другом и мило улыбался, а сегодня уже нож в спину воткнуть готов.

— В городе тоже люди всякие бывают, — ответила Галина.

Она прекрасно понимала, что старики правы, что в это время года на дачах делать нечего. Тем более был бы дом приличный, а то строили они его с мужем из подручных средств, да что достать могли в те времена. Возвращаться в город и воевать с детьми она тоже не была готова. «Пережду осень, а там видно будет. Живут же тут люди» — подумала она.

— Ладно, — вдруг решительно сказала Авдотья, прервав мысли Галины. — Раз уж так вышло, что ты к нам попала — значит, судьба. Сегодня же и дом тебе подходящий подыщем.

Дед одобительно фыркнул.

— Вот дом Никитишны, например, — продолжила Авдотья. — Крепкий, с русской печкой. Этим летом мужички там жили, так что там чисто и не так уныло, как в других. Или дом Петровых. Он чуток побольше, чем изба Никитишны. Дед за ним до самого конца следил. Там из сеней можно сразу и в туалет, и в сарайки, и в дровник пройти. Все продумал, чтобы лишний раз на улицу не выходить. Хоть помещения эти и не отапливаются, но все не по ветру и не по слякоти ходить. Что скажешь, Галина?

— Да можно начать с дома этих Петровых, — кивнула Галина Сергеевна.

— После завтрака пойдем смотреть дом, — объявила Авдотья. — А пока доедай пирожки. Сейчас мы тебе быстро переезд организуем, глядишь, ночевать будешь уже в своем доме.

— Спасибо вам, — улыбнулась Галина.

Как-то с появлением этой бабульки у Галины Сергеевны настроение повысилось, и жизнь уже не казалась ей такой мрачной и унылой.

— А холодильник там есть? — спросила Галина.

— И холодильник есть, и морозилка большая, и погреб, и если чего, то и в сенях можно еду положить.

— А вода?

— А воду он, по-моему, в дом заводил. Вот не помню я, запомнявала. Василич, ты не помнишь?

— Помню, я себе провел, и ему сразу надо стало, — фыркнул дед. — Что крестьянам, то и обезьянам.

— Ой, да ладно тебе, — усмехнулась Авдотья. — Если в доме есть, то и хорошо, хоть Галине не придется за водой ходить. Чать не девочка тяжести на себе таскать.

Через пять минут все позавтракали и стали собираться, и даже Ниночка захотела посмотреть на новое жилье Галины Сергеевны, да и на улице дождь прекратился.

Новый старый дом

Все вместе вышли из избы. На улице стоял густой, молочный туман, обволакивающий деревню плотной пеленой. Воздух был сырым и холодным, отчего Галина Сергеевна невольно повела плечами. В нескольких шагах уже с трудом можно было разглядеть контуры изгороди.

На плетне, чуть в стороне от калитки, чернело небольшое пятно. Оно казалось неестественно темным на фоне серого тумана, будто впитало в себя все окружающие тени.

— Возьму-ка я из дома фонарь, — сказал дед Василич, почесывая бороду. — А вы, девки, пока со двора не выходите, меня подождите.

— Подождем, — кивнула Авдотья.

— Погода такая противная, — поморщилась Ниночка, ежась от холода. — Как в болоте.

— А это что за черное пятно на плетне? — спросила Галина, прищурившись. Она сделала шаг вперед, пытаясь разглядеть, что там находится.

Пятно вдруг шевельнулось.

— Да небось петух, — ответила Ниночка.

— Скорее всего он и есть, — кивнула Авдотья. — Василич, поторопись с фонарем! — резко крикнула она, оттягивая Галину Сергеевну за рукав назад.

Из тумана донесся скрип двери, затем тяжелые шаги деда. Луч фонаря дрогнул в молочной пелене, выхватывая плетень. На них внимательно смотрел своими желтыми глазами-бусинами огромный черный петух.

— Кукареку! — приветственно заорал он.

Его голос не потонул в тумане, а разлился эхом по всей деревне.

— Вот ведь оглоед, напугал, — замахал на него рукой Василич, который от неожиданности чуть не выронил фонарь.

Он пошел вперед, подняв высоко фонарь. За его пояс зацепилась Ниночка.

— Пошли быстро, — коротко сказала Авдотья, хватая Галину за руку. — Смотри на фонарь, а то в таком тумане не ровен час заплутать.

— Эх, то дожди, то туман, — покачала головой Галина.

— Что ты хочешь, погода такая, да болота рядом, да еще осень. Летом тут хорошо.

И они зашагали по тропинке.

— Сколько лет у нас здесь дача, а даже не знала, что болота рядом. С мужем молодые по грибы и ягоды ходили, и ничего такого не видели, — задумчиво проговорила Галина.

— Так мы далековато от твоих дач находимся, — ответила Авдотья. — Ты вон какой круг сделала, забрела к нам.

Быстро добрались до дома, хотя Галине все казалось, что в тумане кроме них кто-то бродит и внимательно наблюдает.

— Тут, девки, осторожно шагайте. Все поросло, никто в этом году не чистил, — проговорил дед Василь и с силой дернул на себя калитку.

— А точно у дома хозяев нет? — снова беспокойно спросила Галина.

— Пока нет, но если ты захочешь, то можешь сама стать его хозяйкой, — ответила Авдотья.

Деревянная калитка со скрипом поддалась, открывая путь во двор. Тропинка, ведущая к дому, почти полностью заросла бурьяном и крапивой. Галина Сергеевна невольно прижалась к Авдотье, когда сорная мокрая трава зашуршала у неё за спиной, будто кто-то невидимый пробирался следом.

— Ничего, ничего, — успокоила её старуха, крепко сжимая её руку. — Это просто ветер, а может мышки какие или еще какая живность. Мы же их потревожили.

Дед Василич высоко поднял фонарь, освещая фасад дома. Деревянные стены, когда-то аккуратно покрашенные в голубой цвет, теперь потемнели от времени и сырости. Окна смотрели на них пустыми, запотевшими глазами.

— Вот и дом Петровых, — объявил дед, подходя к крыльцу. — Крепкий ещё, лет сто простоит. Только вот замок...

Он потрогал висячий замок на двери, который оказался покрыт слоем ржавчины.

— Да не переживай, — Авдотья полезла в карман своей длинной юбки и достала связку ключей. — У меня от всех домов в деревне ключи есть. На всякий случай.

Ключ с трудом повернулся в замке с громким скрипом. Дверь распахнулась, выпустив наружу запах затхлости и старого дерева.

— Фу-у-у, — поморщилась Ниночка, зажимая нос. — Как в подвале пахнет!

— Ничего, проветрится, да огонь от запаха избавит, — бодро сказала Авдотья. — Василич, иди первым с фонарём.

Он вошел в сени и велел всем снимать обувь.

— Там хоть полы и пыльные, но не так грязно, как на улице. Нечего грязь в дом тащить.

Все послушно разулись. Галина Сергеевна почувствовала, как холод пробирается по её ногам.

Дед шагнул вперёд в избу, и жёлтый свет фонаря заплескал по стенам, выхватывая из темноты обстановку: массивный деревянный стол, лавку, добротный буфет, стулья, русскую печь в углу. Всё было покрыто толстым слоем пыли, но выглядело целым и невредимым.

— Вот видишь, Галина, — обернулась к ней Авдотья, — дом как новенький. Сегодня же печь протопим, постель постелим, и будешь как у Христа за пазухой. Давай, Василич, разберись с печкой, а мы пока тут все осмотрим.

За печкой, так же, как и у деда с Ниночкой, стояла аккуратно заправленная железная кровать. Из большой комнаты за занавеской скрывалась небольшая спальня. Галина Сергеевна осторожно отодвинула штору рукой, открыв тесное, но уютное помещение. У стены стояла узкая деревянная кровать с пёстрым лоскутным одеялом, старинный комод с потемневшим

зеркалом, на окнах висели ситцевые занавески, пожелтевшие от времени, но чистые. Галина Сергеевна осторожно провела пальцем по поверхности комода, оставляя след в пыли.

— Юлишна всегда порядок любила, — кивнула Авдотья. — Даже когда совсем плохая стала, всё прибиралась. Эта комната у них сначала детской была, а потом по типу гостевой сделали, а спали они за печкой, там теплее.

Галина подошла к кровати, провела рукой по одеялу. От него пахло сушёной мятой и чем-то тёплым, домашним, напоминающим детство.

— Здесь хорошо, — неожиданно для себя сказала она.

Авдотья хитро прищурилась:

— А я тебе что говорила?

Из большой комнаты донёсся возмущённый голос деда:

— Да что ж это такое!

— Что такое? — выглянула Авдотья из-за шторы.

— Никак не могу печку затопить. Дымит, пытит, а загораться не желает. Я уж и маслом полил, и сухих чурочек принес, а она капризничает.

— А ты с ней, как с человеком, поговори, — посоветовала Авдотья. — Потом надо будет по ограде пройти, проверить защиту.

Галина Сергеевна при последней фразе встрепенулась, вспомнив того жуткого мужика.

— Ниночка говорила про болотных людей, — проговорила она.

— Они не люди, — спокойно ответила Авдотья. — Обычно они от своих болот не отходят, но вот когда идут дожди, так им везде болота. Ты не переживай, сейчас обереги повесим, и на территорию ни одна гадость зайти не сможет. По ночам только не ходи по деревне. Здесь звери дикие бродят.

— Ясно, — вздохнула Галина Сергеевна. — Как же вы тут живете?

— Хорошо живем, помогаем друг другу, а к болотным духам и зверям уже привыкли. Да и где нам еще жить? Мы тут всю свою жизнь провели. Кому мы нужны в больших городах? Да и на какие шиши мы туда поедem. Живем и живем, и слава богу, а помрем, так соседи похоронят.

Дед Василич продолжал возиться с печкой, ворча себе под нос. Вдруг раздался глухой хлопок, и пламя, наконец, занялось, осветив комнату тёплым оранжевым светом.

— Вот, наконец-то! — удовлетворённо крикнул старик, вытирая сажей испачканные руки о брюки. — Теперь можно и обед приготовить, и дом просушить.

Авдотья тем временем уже копошилась около стола, доставая из мешка пучки сушёных трав.

— Сейчас мы тут всё подготовим, — деловито сказала она, развешивая травы по углам комнаты. — Полынь на окна, чертополох у порога... Галина, помоги-ка мне этот гвоздик вбить.

Галина Сергеевна послушно взяла молоток. Вдруг она краем глаза заметила какое-то движение за окном, в запотевшем стекле отражалось не только её лицо, но и что-то ещё... что-то бледное, с пустыми глазами, прижавшееся к стеклу снаружи.

Она резко повернулась, но за окном был только густой туман.

— Авдотья... — дрожащим голосом позвала она.

Старуха, не поднимая глаз от своего занятия, кивнула:

— Видела. Не обращай внимания. Пока не вступишь — не войдёт. Главное соль с полыню не забыть насыпать на все подоконники. Мы потом с Василичем пройдемся по усадьбе, обновим защиту.

Ниночка тем временем принялась протирать пыль со всех поверхностей, напевая какую-то веселенькую песню себе под нос.

Дед Василич подошёл к Галине и неожиданно сунул ей в руки топор:

— Держи. На всякий случай. Не бойся — руби смело, если что. Они боятся железа, и это не люди.

— Господи, куда же я попало, — пронеслось у нее в голове.

Галина Сергеевна сжала топориче, чувствуя, как ладони становятся влажными. За окном туман сгущался, превращаясь в непроглядную молочную стену. Где-то в его глубине раздался тихий булькающий звук, словно кто-то шлёпал по лужам босыми ногами.

— Все развесили, сейчас я дверь проверю. Василич, идем, пройдемся по периметру, надо пресечь, а то так и будут ходить, Галину пугать, - деловито проговорила Авдотья.

— Иду, моя голуба, — улыбнулся дед единственным зубом.

Дед Василич и Авдотья вышли в молочную мглу, прихватив с собой керосинку, кочергу и ещё один топор.

В доме стало как-то сразу тихо, даже треск дров в печи казался приглушённым.

Глава 11-12

Вот и заселилась

— А они людей едят? — тихо спросила Галина Сергеевна у Ниночки.

— Кто? — с удивлением посмотрела на неё женщина. Она перебирала посуду и складывала её в большой таз с водой.

— Ну эти, кто из болот приходит.

— Нет, — помотала головой Ниночка, — морок наводят, голову задушивают, да утаскивают к себе в болота.

— А там что? — спросила Галина.

— Топят, — спокойно ответила Ниночка, натирая содой тарелки.

— Вот прямо так и топят? — с ужасом посмотрела на неё Галина.

— Ну не прям так. Сам человек в топь заходит и тонет.

Галина Сергеевна почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Она машинально подошла к окну, за которым также стоял туман, и плотнее натянула шаль на плечах.

— То есть они заманивают? — прошептала она, следя за тем, как Ниночка ловко перемывает посуду.

Та пожала плечами, брызгая мыльной водой:

— Кто их знает. Бабка Авдотья говорит, они показывают человеку то, чего он больше всего хочет. Кому-то — погибших родных, кому-то — богатство, а иным и молодость сулят. Человек за этим идёт, а дорога-то одна — в трясину. Сначала сны всякие страшные снятся, потом голоса слышатся... Человек сам идёт к ним, будто заколдованный. Авдотья говорит, это они душу высасывают потихоньку.

В печи треснуло полено, выбросив сноп искр. Галина от резкого звука вздрогнула.

— И много таких? — Она обвела взглядом дом. — Кто повёлся?

Ниночка на мгновение задумалась, вытирая руки о передник.

— Может в стародавние времена и был кто из местных, а при мне в основном чужаков заманивает.

— Я-то вот чужая, — вздохнула Галина Сергеевна.

— Но ты-то теперь о них знаешь.

— И что теперь по деревне с топором ходить, или с кочергой, или с ломиком?

— В такую погоду надо сидеть дома, а не по деревне шастать, — хмыкнула Ниночка.

— А как защититься? — спросила Галина, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Ниночка поставила очередную вымытую тарелку на стол и глянула на гостью.

— Соль везде сыпать, железо с собой носить, травы сушёные... — Она вдруг оживилась.

— А ещё Авдотья говорит, если назвать их по имени — они пугаются!

— По имени? — удивилась Галина. — А разве у них есть имена?

— Ну... — Ниночка замялась. — Бабка их как-то называет... Кумоха что ли. Это Авдотью спрашивать надо точно.

— У нас бабушка кумохой лихорадку называла, — задумчиво сказала Галина.

В этот момент снаружи раздался громкий треск, будто кто-то наступил на сухую ветку. Обе женщины замолчали, застыв на месте. Из тумана донеслись приглушённые голоса Авдотьи и деда Василича.

— Главное — не бояться. Они чувствуют страх, им, наверно, и питаются, — покачала головой Ниночка, — Ты вон лучше возьми чугунок почисти. Я картошки немного взяла с собой, сейчас запечём. Чего дурные мысли по кругу гонять.

Галина Сергеевна глубоко вздохнула и кивнула. В этот момент дверь распахнулась, и в дом ввалились дед с Авдотьей, все мокрые от тумана.

— Ну, кое-как все обошли, — отряхиваясь, сказала Авдотья. — Туман этот проклятуший не даёт ничего толком сделать. Надо будет завтра ещё разок пройтись, убедиться, что везде обережные знаки стоят. А пока... — Она достала из кармана небольшой железный колокольчик. — Это тебе, Галина. На ночь у двери повесишь, будет звонить, если что, отгонять всяких.

Галина бережно взяла колокольчик. В его звоне, тихом и чистом, вдруг почувствовалось что-то успокаивающее, домашнее.

— Спасибо, я, кажется, начинаю понимать, как вы тут живёте. — прошептала она.

Авдотья хитро улыбнулась и потрепала её по плечу:

— Ничего, привыкнешь, а теперь давай готовить, печка-то уже разгорелась!

Как-то и с обедом, и с посудой, и со всем остальным разобрались. Перебрали постельное бельё.

— Перестирать бы всё, — покачала головой Авдотья. — Всё в пыли, сколько лет лежало. Дед, проверь, стиралка у них работает? Если что, то я к себе всё заберу, перестираю, а тебе пока принесу своё чистое бельё, — сказала она. — Сейчас бы всё выбить да просушить. Но при такой погоде посушить можно только возле печки. А уж про выбить, вообще, говорить нечего, мигом подушки да одеяла воду в себя впитают.

Дед Василич поковылял в сени, проверить стиральную машину. Через минуту раздалось его довольное кряхтение:

— Работает! Теперь надо воды натаскать, да порошок насыпать, ну и положить бельё.

— Воды натаскать? — спросила Галина.

— Ну а как ты хотела? Машинка без воды работать не будет, — Авдотья посмотрела на неё с изумлением. — Сейчас воду нагреем, да простирнем кое-что.

Галина выглянула в сени и увидела чудо-техники — огромную круглую стиральную машинку.

— Не автомат, — задумчиво проговорила она.

— Чаво? — не понял дед.

— Давно я такие машинки не видела, теперь у всех автоматы стоят.

— Какие такие автоматы? — он посмотрел на неё с удивлением.

— Ну стиральные машинки. Туда порошок засыпаешь, время выставляешь, программу выбираешь, и она сама стирает.

— Ну и эта сама стирает, — не понял он, — Не руками же ширкать туды-сюды.

— Так в ту не надо ни воду заливать, ни греть её, ни сливать потом. Она всё сама сделает, — продолжила рассказывать Галина.

— Ещё скажи, что и отожмёт сама, — с недоверием посмотрел на неё Василич.

— И отожмёт сама и прополоскает, а некоторые даже сушат.

— Вот до чего дошёл прогресс, — он почесал затылок.

— Папа, я тоже такую машинку хочу, — вклинилась в разговор Ниночка.

— Всё это баловство, — нахмурился он. — Она всё равно хорошо не простирает. Да и вообще, где я тебе такую возьму? За ней надо в город ехать, а нам не на чем.

— Сейчас доставки всякие есть, — вмешалась Галина.

— В нашу глухомань никакие доставки не доберутся, а мы им не дозвонимся, — он сердито зыркнул на женщин.

К вечеру привели дом в порядок. Авдотья принесла чистое постельное бельё, хозяйское они постирали и повесили около печки. Дед с Ниночкой снабдили продуктами. Галина Сергеевна положила свои продукты в старенький холодильник.

«Какой день с ними ношусь, как курица с яйцом», — подумала она. «Глядишь, готовить начну уже сама. Жаль, что эта тварь у меня вещи отобрала, но может получится их найти, когда дождя и такого тумана не будет».

— Ты это, ночью никуда не выходи. Здесь у Петровых хорошо — из сеней можно и в туалет пройти, и в дровник. Никаких вёдер не надо, и на двор идти тоже не надо, всё под одной крышей, — сказал дед Василич.

— Завтра утром тебя навестим, — устало посмотрела на неё Авдотья. — Или может всё же у меня или у деда с Ниночкой переночуешь?

— Нет, хочу побыть в одиночестве, — помотала головой Галина.

— Я на ставнях обережные знаки обновил, так что ничего не бойся, — сказал дед. - В дом они зайти не смогут.

— Я постараюсь, — улыбнулась она. — Спасибо вам.

Дед напоследок показал, как пользоваться печкой.

— Я вот сейчас ещё пару полешек кину, как прогорят, так заслонку закрывай, чтобы тепло не ушло в трубу. Но только не торопись, а то угоришь, — поучал он Галину. — Поняла?

— Да, — кивнула она.

— Ну, спокойной ночи тебе, Галина. Дверь ночью никому не открывай, на улицу не выходи.

— Да я поняла уже.

— Ну так повторенье — мать ученья, — назидательно сказал дед. — Во двор зайти они теперь не смогут, а вот диким зверям обережные знаки не помешают.

Деревенские ушли и Галина Сергеевна осталась одна в старом доме. Она долго сидела на краешке дивана, прислушиваясь к звукам старого дома — потрескиванию досок, шорохам в сенях, тиканью часов. Железный колокольчик у двери в большую комнату изредка позванивал, будто предупреждая о чём-то.

Затем она прошла в спальню, аккуратно разложила свои нехитрые пожитки на комод, повесила кофту на спинку стула. В комнате пахло сушёной мятой, печным теплом и чем-то неуловимо родным, как в детстве у бабушки в деревне.

Перед сном она тщательно проверила все двери и окна, перевесила железный колокольчик на входную дверь с улицы и разложила по подоконникам щепотки соли с травами, как учила Авдотья. Вода в кране на удивление оказалась тёплой — видимо, от печи прогрелись трубы. Она смогла спокойно ополоснуться в тазу, смыв с себя все тревоги последних дней.

«Ну вот, и поселилась», — подумала Галина, укладываясь в чистую постель. За окном по-прежнему висел густой туман, но теперь он казался менее угрожающим. Колокольчик у двери тихо позванивал при каждом порыве ветра, а ветки постукивали в окна.

Просьба о помощи

Галина думала, что не сможет уснуть в чужом доме, да на чужой кровати с чужим постельным бельем, но на удивление довольно быстро провалилась в сон. Наверно, сказались несколько бессонных нервных ночей. В этот раз ей ничего не снилось.

Утром проснулась рано — только забрезжил рассвет. Выглянула в окно — дождя не было, но по деревне снова стелился молочный туман. Она зябко поежилась, натянула на ноги носки и пошла растапливать печку так, как её научил дед Василич.

Галина аккуратно раздула угли, подложила сухих дров и, когда огонь разгорелся, поставила на плиту чайник. В доме постепенно становилось теплее, а вместе с теплом приходило ощущение уюта и даже какой-то защищённости.

Она подошла к окну, протёрла запотевшее стекло тряпочкой. Туман медленно поднимался, открывая покосившиеся заборы, пустынную деревенскую улицу. Где-то вдали, со стороны болот, прозвучал странный звук — то ли крик птицы, то ли чей-то приглушённый стон. Галина невольно отпрянула, но тут же взяла себя в руки.

«Ну и что? — подумала она. — Туман, болота, какие-то звуки... Живут же здесь люди, и ничего. Это все просто с непривычки».

Чайник закипел. Галина насыпала в чашку растворимого кофе и сахара, достала вчерашний хлеб, намазала его вареньем. Ей захотелось выйти во двор, подышать свежим холодным осенним воздухом. Она любила осень, и ей очень нравился запах прелых листьев.

Галина Сергеевна натянула на себя куртку, подхватила чашку с кофе, тарелку с бутербродами и вышла во двор. На крыльцо постелила старый тулуп из сеней и уселась завтракать.

— А тут не так уж и плохо, — подумала она, вытягивая носом аромат прелых листьев, трав и горячего кофе.

В первый раз за несколько дней она почувствовала себя свободной.

На плетень запрыгнул уже знакомый ей чёрный петух. Он внимательно посмотрел на Галину и приветственно прокричал: «Кукареку».

— И тебе доброго утра, — кивнула она.

Он с удивлением на неё уставился, затем спрыгнул с плетня и подошёл к ней.

— Ну, садись рядышком, — похлопала она по тулупу.

Тот оценил её приглашение и устроился рядом с ней, под боком. Галина погладила его по чёрному боку. Петух довольно заквахтал.

— Какой ты красавец, — нахваливала птицу она.

Петух, словно понимая комплименты, важно расправил перья и принялся клевать крошки с её тарелки. Галина рассмеялась:

— Ну ты и наглец! Ладно уж, угощайся.

Она отломил кусочек хлеба и протянула птице. Петух аккуратно взял угощение, потом неожиданно ткнулся клювом в её ладонь почти как кот, требующий ласки.

Вдруг птица резко подняла голову, насторожившись. Галина последовала её взгляду. На краю двора, где туман был ещё густым, мелькнула тень. Петух громко захлопал крыльями и закричал тревожное «ку-ка-ре-ку!», бросаясь вперёд.

— Постой! — вскрикнула Галина, но птица уже исчезла в тумане.

Через пару минут петух выскочил из тумана, а за ним следом вышла большая серая кошка, которая тащила что-то в своих зубах. Она увидела Галину Сергеевну и замерла, изучая её своими огромными зелёными глазами. Женщина застыла, не зная, что делать. Она таких крупных кошек вживую ни разу не видела.

Кошка медленно опустила добычу на землю — что-то небольшое и серенькое. Не сводя с Галины холодных, почти человеческих глаз, она издала низкое, гортанное мурлыканье, больше похожее на предупреждение, чем на дружелюбие.

Петух, распушив перья, занял позицию между женщиной и кошкой, будто защищая свою новую знакомую. Его чёрные перья блестели в утреннем свете, а гребень налился алым.

— Вот так встреча, — удивлённо прошептала Галина.

Кошка внезапно развернулась и прыгнула в кусты, растворившись в остатках тумана. Петух, кажется, остался доволен исходом столкновения и важно вернулся к Галине, снова устроившись рядом. Маленькое и серенькое животное продолжило лежать на тропинке.

— Крыса что ли? — Галина вытянула шею, пытаясь рассмотреть живность.

Оно зашевелилось и издало тихий писк. Петух подпрыгнул к нему и хотел было клюнуть, но Галина замахала на него руками.

— Не тронь!

Она осторожно подошла ближе и наклонилась. Это была не крыса, а небольшой котёнок. Он дрожал, свёрнувшись в пушистый комочек, и жалобно попискивал.

— Ну и ну, — прошептала она, — кошка принесла своего котёнка? Зачем?

Петух, недовольный запретом, похаживал вокруг, бросая на котёнка неодобрительные взгляды. Но Галина уже достала из кармана платок и аккуратно завернула в него малыша.

— Вот так мамаша, принесла и бросила, — сказала она, прижимая свёрток к груди. — Эй, кошка, заberi своего детёныша! — крикнула Галина, но на её зов никто не пришёл.

За забором послышался шум.

— Галина, чего стряслось, ты чего кричишь? — она услышала старческий женский голос со стороны соседнего дома.

— Да вот, кошка принесла котёнка и бросила его около порога.

— Котёнка?

Через плетень Галина увидела пожилую женщину, которая спешила к ней.

— Кошка? — Авдотья открыла калитку и вошла во двор.

— Ну да, кошка и котёнок, — кивнула Галина.

— У нас в деревне нет кошек, давно уж, — старуха помотала головой.

— Ну вот же котёнок.

Галина развернула платок.

— Ох ты, это же рысёнок, а не котёнок. Говоришь, она тебе его сама принесла? — старуха рассматривала маленький серый комоч.

— Да, и бросила, — кивнула Галина.

— Просто так они своих детёнышей не бросают. Давай, глянем, что с ним не так, — проговорила Авдотья.

Они вошли в уже прогретую избу. Авдотья взяла рысёнка из рук Галины и осторожно осмотрела его.

— Да он и вправду больной, — пробормотала старуха, проводя пальцами по его боку.

— Видишь, лапка у него плетью висит.

Рысёнок слабо пискнул и попытался свёрнуться клубком у неё на коленях.

— Что будем делать? — спросила Галина, наклоняясь к ним.

Авдотья задумалась, её морщинистое лицо стало серьёзным.

— Если мать его принесла к твоему дому, значит, ждала помощи. Дикie звери редко к людям идут, только если беда.

Она бережно перевернула рысёнка, осматривая повреждённую лапку. Вдруг её пальцы наткнулись на что-то твёрдое под шерстью.

— О-о, так вот в чем дело, — протянула она.

Галина наклонилась ближе. В свете электрической лампочки блеснул металлический осколок — крошечный кусочек дроби, едва заметный среди серой шёрстки.

— Охотники? — спросила Галина.

Авдотья кивнула, её губы плотно сжались.

— Видать, мать не смогла помочь, вот и принесла к людям. Умная тварь...

Она поднялась и направилась к полке с баночками.

— Что-то тут у Петровых было, я ничего вчера не выбрасывала. Воды нагрей да чистую тряпицу найди.

— Чайник я уже вскипятила, — ответила Галина.

Пока она хлопотала у печи, Авдотья что-то бормотала, перебирая травы в мешочках.

— Держи его, — приказала старуха, когда всё было готово.

Рысёнок слабо запищал, когда Авдотья ловким движением при помощи пинцета извлекла дробишку. Кровь тут же выступила тонкой струйкой, но старуха быстро прижала к ранке пучок какой-то пахучей травы.

— Вот и всё, малыш, — прошептала она, заматывая лапку полоской чистой ткани. — Теперь живи.

Галина наблюдала, как ослабевший уже спокойный рысёнок, засыпает у неё на коленях.

— Что теперь? — спросила она.

Авдотья взглянула в окно. Туман почти рассеялся, но за плетнём что-то шевельнулось, пробежала большая серая тень.

— Теперь ждём, — сказала старуха. — Мать пришла.

Они вынесли рысёнка во двор. Петух, до этого настороженно квохтавший в углу, вдруг затих и прижался к ногам Галины.

Из тумана вышла рысь. Не та огромная кошка, что приходила утром, а настоящая лесная хищница — мощная, с кисточками на ушах. Она остановилась в трёх шагах от них, её зелёные глаза внимательно изучали людей.

Авдотья медленно опустилась на корточки и положила детёныша на землю.

— Бери своё, — сказала она тихо.

Рысь сделала один осторожный шаг, потом другой. Петух замер и нахохлился. Вдруг рысёнок пискнул и поднял голову. Мать схватила его за загривок и в тот же миг исчезла в тумане.

— Вот и всё, — вздохнула Авдотья.

Но Галина заметила, как перед самым исчезновением рысь обернулась и посмотрела на них долгим, почти человеческим взглядом.

— Она сказала «спасибо», — неожиданно для себя проговорила Галина.

Авдотья улыбнулась:

— В лесу много чего бывает, городская, ты его только начала узнавать.

Глава 13-14

Обживусь и привыкну

Дождя в этот день не было, но серое небо висело низко, а по воздуху то и дело стелился туман. Повышенная влажность немного напрягала, но не было смысла жаловаться на погоду. Галина находилась под впечатлением от произошедшего утром.

— Интересно всё же тут и никакого телевизора не надо, — пробормотала она.

На дачу пока она не собиралась, решив пережить осень в деревне. Галина снова попыталась дозвониться до сестры, но связи по-прежнему здесь не было. Зато пришло сообщение от неё, как-то смогло прорваться в это загадочное место:

«Галка, сиди у стариков, на выходные с Леней попробуем тебя поискать. В такую погоду через лес не ходи».

Она убрала телефон в карман, ощущая странное спокойствие. Сестрина забота, пробившаяся сквозь глухую лесную чащу, согревала не хуже печки. Галина снова вышла на крыльцо, вдыхая сырой осенний воздух. Петух, её новый сторож, важно расхаживал по двору, поклёвывая невидимые глазу зёрнышки. Заметив Галину, он поднял голову и издал короткое «ку-ка-ре», докладывая об обстановке.

— Дежуришь? — улыбнулась она ему.

Из-за угла дома донёсся скрип. Галина обернулась на звук. Авдотья, сторбившись, тащила на тележке вёдра с водой.

— Эй, городская, помоги старухе, а? — кряхтя, остановилась та.

Галина поспешила на помощь. Вода в вёдрах была удивительно чистой, с лёгким дымчатым оттенком.

— Из родника? — спросила она, принимая одно ведро.

— Из колодца, — поправила Авдотья. — Ты уж прости, что грузу, да без мужских рук тут... Хотя и привыкли мы тут уже, но все равно порой бывает тяжело.

Они занесли воду в дом и поставили её в сених. Авдотья, отдышавшись, присела на лавку:

— Всё же решила остаться у нас или уйти хочешь?

— Да, пока осень пережду, — задумчиво проговорила Галина.

— Мудро, — кивнула старуха, — только вот... — она замаялась, — ты уж не ходи к болотам, особенно к вечеру. Да и днем там делать нечего.

Галина вспомнила странные звуки, доносившиеся оттуда утром.

— Да я как-то и не собиралась. А что там?

Авдотья перекрестилась:

— Места старые, нехорошие. Бродят всякие, да ты сама видела.

— Да меня Василий уже предупреждал несколько раз. Да и чего там делать в такую погоду и в это время года? — ответила Галина.

— Ещё раз повторить лишним не будет, а то вдруг забудешь, — покачала головой бабулька.

За окном ветер внезапно зашевелил верхушки сосен, хотя внизу, у земли, воздух оставался неподвижным. Петух тревожно закудахтал.

— Может, чай со мной попьёшь? — поднялась с лавки Авдотья. — У нас тут особо никаких развлечений нет, и даже телевизора нет, так что ходим друг к другу, да одно и то же перетираем по кругу. А ты у нас новый человек, может, чего занимательного расскажешь. Летом мы хоть огородом там заняты, да заготовками, а вот осень да зима у нас — мы, как медведи в берлоге. Раньше хоть радио ловило, а теперь и этого нет.

Галина согласно кивнула, все равно дома особо делать было нечего, и Авдотья поставила чайник на плиту.

— Что ж, расскажу, как в городе жила, если вам так это интересно, — улыбнулась она.

Старушка устроилась поудобнее, сложив натруженные руки на коленях.

— Ты уж прости, если вопросы глупые попадутся, — предупредила она, — я ведь в городе-то последний раз лет сорок назад была. А уж про все эти перемены только из газет да от людей узнавала. Мы же до сих пор в Советах живем, хоть и строй поменялся и страна уже не та.

Пока чай закипал, Галина рассказывала о своей последней работе в киоске, о шумных улицах, где даже ночью не смолкает гул машин. Авдотья слушала, широко раскрыв глаза, будто перед ней разворачивались картины другого мира.

— И как же ты, родная, среди всей этой суеты жила? — покачала головой старуха. — Тут и петушиного крика на рассвете хватает, чтобы проснуться. А уж когда зверье под окнами шастает, так вообще уснуть не можешь, а тут всю ночь по дорогам шныряют. И куда они все едут?

Галина рассмеялась:

— Да кто же их знает, куда они едут. Я уже привыкла, и даже не замечала. Хотя, признаться, здесь как-то спокойнее, несмотря на некоторые особенности местности.

Они пили чай с малиновым вареньем, и разговор неспешно тек от городских новостей к деревенским делам. Авдотья рассказала, как раньше в деревне жило больше ста человек, а теперь остались одни старики.

— Молодёжь вся в город подалась, — вздохнула она. — Вот и стоят дома пустые, потихоньку разваливаются. Дороги к нам нет, автобус давно не ходит. Только почтальонка раз в месяц приходит, да иногда автолавка приезжает, дай бог им здоровья на долгие года. Хоть не забывают стариков.

— И много вас тут осталось? — спросила Галина.

— Так дед с Ниночкой, Акинишна, я, да, наверно, Никитишна.

— Наверно? — удивилась Галина.

— Давно что-то её не видали, проведать надо бы, — опустила глаза вниз Авдотья.

Они проговорили ещё два часа.

— Ой, что-то я у вас засиделась, пойду я домой, — поднялась из-за стола Галина. — Спасибо вам за чай да за разговоры.

— Тебе продукты какие-нибудь нужны? — спросила её Авдотья.

— Да пока всё есть. Если только муки, я бы лепёшек напекла, а то не привыкла без хлеба сидеть.

— Сейчас дам, — ответила бабушка.

Она принесла ей холщовый мешочек с мукой.

— Тут немного, потом ещё дам, — протянула она его.

— Спасибо вам, — кивнула Галина.

— У Василича можно гречку взять и масло подсолнечное, домашнее.

— Домашнее? — удивилась Галина.

— Да, в этом году много подсолнечника посадили. Сам он этим занимался. Ещё Ниночка с Лялей ходили в лес лещину собирали. Могу тебя орехами угостить. Перетрёшь их и в муку добавишь — вкусно будет и сытно.

Она сунула ей в руки ещё мешочек с орехами. Галина поблагодарила её и направилась домой.

На заборе восседал петух.

— Ждёшь? — спросила его Галина.

Он повернул голову набок и что-то завохтал на своём птичьем языке.

Галина достала телефон — одно деление, и всё равно нет сети. Она вздохнула, занесла гостинцы в дом и пошла осматривать хозяйство.

В сенях, на полке с разным добром, обнаружился старый керосиновый фонарь с закопчённым стеклом. «На всякий случай, а то вдруг электричество вырубят», — подумала Галина, ставя его на лавку возле двери.

К вечеру туман сгустился, превратив двор в молочное озеро. Галина затопила печь, приготовила простой ужин. Петух, вопреки привычке, не ушёл на ночлег в сарай к деду Василичу, а устроился прямо у порога в сенях.

— Чего сторожишь? — спросила она, но птица лишь настороженно хлопала, уставившись в темноту.

Из леса донёсся тот самый звук, который не был похож ни на крик, ни на стон, а что-то среднее между ними. Галина непроизвольно подошла к окну. В тумане, у самого края двора за плетнем, стояла высокая тёмная фигура. Петух взлетел на подоконник и забил крыльями по стеклу, заливаясь тревожным криком. Когда Галина моргнула — фигура исчезла.

— Всё, — твёрдо сказала она себе, — хватит на сегодня чудес.

Заперев дверь на щеколду и задернув плотно шторы, она поставила на стол фонарь и чайник. Что бы ни происходило в этой деревне, завтра все равно наступит. А пока можно просто пить чай, слушая, как за стеной в сенях петух ворочается в своём гнезде из сена, да трещит огонь в печке. Она нашла несколько книг в серванте и решила немного отвлечься и почитать.

— Классику не люблю, но хоть в памяти обновлю, да отвлекусь.

Она опять начала возвращаться мыслями в тот самый злополучный день, когда её из дома выгнали сыновья, и чтобы не переживать в очередной раз надо было занять мозги чем-нибудь другим. Галина устроилась поудобнее в кресле у печки, раскрыв потрёпанный том с пожелтевшими страницами. Это оказался сборник народных сказок, изданный ещё в пятидесятых годах.

Тишину в избе нарушал только треск поленьев в печи да редкие шорохи за окном, которые Галина старалась не замечать. Она углубилась в чтение, и странное совпадение не могло не броситься в глаза — в одной из сказок рассказывалось о мудром чёрном петухе, охраняющем дом от нечистой силы.

— А может, так оно и есть, — задумчиво проговорила она, переворачивая страницу.

В сенях послышался грохот, упали тазы, покатилося куда-то железное ведро. Петух заорал так, что Галина инстинктивно зажала уши и уронила книгу на пол. Сердце у неё в груди забилося часто-часто, а давление резко скакнуло. Она не знала, что ей делать: то ли бежать смотреть, что там произошло, то ли закрыть дверь в дом на щеколду.

Всё же она решилась посмотреть. Взяла кочергу, зажгла керосиновый фонарь и тихонько приоткрыла дверь в сени. Петух сидел на лавке и рассматривал огромную крысу, которая валялась на полу около эмалированного таза.

— Ого. Ты ещё и крыс ловишь? — удивилась Галина.

Он деловито кудахтнул и потащил свою добычу в новое гнездо. Галина с облегчением вздохнула и вернулась в избу.

Странные вещи происходят в деревне

Галина Сергеевна потихоньку обживалась в новом старом доме: читала книги, вязала шарф. В шкафу нашла разные клубки да спицы и решила немного отвлечься, вспомнить вязание. Иногда она ходила в гости к Ниночке и деду Василичу, иногда к ней приходили соседи, но друг другу они не надоедали.

Пару раз она всё же попыталась выйти за пределы деревни, но, пройдя несколько шагов, возвращалась обратно. Ей всё казалось, что кто-то бродит по кромке леса и внимательно за ней наблюдает. Она запаниковала и кинулась назад к дому, уж больно хорошо впечатался в память образ того жуткого мужика.

Периодически отправляла сестре сообщения, что с ней всё в порядке, рассказала, что ей выделили дом. Ответы не приходили. Однако ближе к выходным от сестры прилетело сообщение:

«Леня в больнице. За тобой приехать не сможем, живи пока там».

— Я и так тут живу, — вздохнула она и отложила телефон. — Жаль, Люську не могу поддержать. Ей, наверно, сейчас тяжело.

Галина взяла телефон и написала сестре:

«Держись, всё наладится. Лене здоровья. За меня не беспокойся, тут живут хорошие люди, никто не обижает».

Она положила телефон на стол и подошла к окну. За стеклом медленно кружились первые снежинки, оседая на пожухлую траву. Осень неумолимо сдавала позиции зиме.

— Ну что, сторож, — обратилась она к петуху, который деловито копошился в сенах, — скоро нам с тобой по-настоящему зимовать придется. Что-то не хочется мне никакие дачи искать, от добра добра не ищут.

Птица в ответ поклевала пол у её ног, будто соглашаясь.

На следующий день Галина решила навестить Авдотью, поделиться новостями да взять рецепт тех самых лепёшек, которые старуха так мастерски пекла. Дорогу заметало снегом, но тропинка к соседнему дому ещё угадывалась.

Авдотья встретила её на крыльце, кутаясь в поношенный платок:

— А я уж думала, тебя эта непогода дома задержала. Заходи, родная, самовар как раз закипает.

За чаем Галина рассказала о сестре и больном зяте.

— Беда не ходит одна, — покачала головой старуха. — Но ты не кручинься, у нас тут, может, и глухомань, да люди надёжные, не оставят. Да и привыкли мы уже к тебе, как к родной.

Она вдруг прислушалась, потом подошла к окну:

— Что-то почтальонки нет. Сколько времени уже прошло, а её всё нет и нет.

— Так дожди шли, грязь. Сами говорите, что здесь небезопасно в такую погоду, — Галина с удивлением посмотрела на старушку.

— Да, небезопасно, и дожди, — согласилась с ней Авдотья.

Галина тоже взглянула во двор. Снег валил густой пеленой, но сквозь метель она разглядела маленькую сгорбленную фигуру у калитки.

— Авдотья Петровна... — она потянула старуху за рукав.

Та обернулась и вдруг резко всплеснула руками:

— Никитишна...

Фигура медленно приближалась к дому. Авдотья кинулась к двери.

— А точно это ваша соседка? — спросила, нахмурившись, Галина.

— Точно-точно, но я пока её звать в дом не буду, выйду, проверю, — сказала Авдотья, торопливо натягивая старенький тулуп.

Она выскочила на улицу и поспешила навстречу старухе.

Галина осталась стоять у окна, прижав ладонь к холодному стеклу. Сквозь кружащийся снег она видела, как две старушки встретились у калитки. Авдотья что-то оживлённо говорила, жестикулируя руками, а Никитишна лишь мотала головой, будто отказываясь от чего-то.

Внезапно Галина заметила странную деталь: несмотря на метель, снег не задерживался на плечах Никитишны. Казалось, хлопья проходят сквозь неё, как сквозь призрак.

«Может, это игра света?» — подумала Галина, но сердце почему-то забилося чаще.

В этот момент Авдотья уже торопливо возвращалась к дому, буквально таща за руку Никитишну.

— Заходите быстрее, — проговорила Галина, распахивая дверь. — Там же холодно и ветер, а вы так легко одеты!

Когда женщины вошли в дом, Галина впервые разглядела Никитишну вблизи. Старушка была удивительно маленького роста, вся ссохшаяся, как осенний лист. Её лицо покрывали глубокие морщины, а глаза были странно блестящими, покрытыми влажной плёнкой.

— Садись, садись, — суежилась Авдотья, усаживая гостью у печки. — Галина, налей нам чаю, да покрепче.

Никитишна дрожащими руками сняла промокший платок. Галина налила ей чай и протянула чашку. Та взяла её в руки, чуть расплескав горячий напиток.

— Что же ты в такую погоду-то пошла? — с тревогой спросила её Авдотья. — Первый снег пошёл, да ещё с метелью. Всё у нас никак у людей. Еда у тебя вроде оставалась, или печку не можешь растопить?

— Печку, — вздохнула Никитишна и поднесла ко рту чашку с горячим чаем. — Руки трясутся, не могу никак огонь зажечь.

— Пей горячий чай, грейся, да пойдём с тобой печку растопим.

— Ох, что же боженька мне никак уйти не даёт, — покачала головой Никитишна и смахнула рукой со щеки набежавшую слезу. — Думала, что уже навечно уснула, а опять проснулась. Никакого покоя. За что же нам такое наказание?

Авдотья глянула на Галину.

— Давай, милая, домой иди. Мы тут по-старушачьи пошушукаемся с Никитишной. Нечего тебе нас слушать, — сказала она.

Галина кивнула и, накинув платок, вышла на крыльцо. Метель утихла, снег падал теперь мягкими пушистыми хлопьями. Она глубоко вдохнула морозный воздух и направилась к своему дому, оставляя на снегу чёткие следы.

По дороге она размышляла о старушках. Как тяжело, наверное, жить одной в таком возрасте, когда и печку растопить сложно. «Надо завтра обязательно сходить к Никитишне, помочь ей», — решила она.

Дома её встретил петух, который сразу засуетился вокруг ног, будто беспокоился за хозяйку. Галина улыбнулась:

— Ну что, сторож, соскучился? Давай-ка я тебя покормлю.

Она почесала ему бочок, насыпала зерна в миску, затем растопила печь и села у огня, завернувшись в тёплый плед. Мысли о сестре и больном зяте снова вернулись к ней. «Надо написать Люсе ещё одно письмо, может, через почтальонку отправить. Если она, конечно, придет в деревню», — подумала Галина.

В дверь кто-то легонько постучал. Она выглянула в окно и увидела деда.

— Открывай, Галка, это я, принёс тебе кое-что, танцуй! — проговорил он скороговоркой.

Галина на всякий случай подхватила кочергу и пошла открывать дверь. На пороге стоял дед Василич, а рядом с ним лежали её сумки, которые у неё отобрало нечто.

— Впустишь? — спросил он.

Она молча отошла от двери. Дед подхватил сумки и занёс их в сени.

— На болота сегодня ходил специально за ними. Грязь-то подморозило, вот и пошёл. А они висят на дереве, бултыхаются. Твои же? — спросил он, топчась около порога.

— Мои, — кивнула она. — Спасибо вам огромное. Может, чаю?

— Нет, не хочу, побегу дальше, к Авдотье загляну.

— К ней сегодня Никитишна приходила.

— Правда что ли? — встрепенулся дед.

— Жаловалась, что не может печку затопить.

— Ясненько. Ладно, разберёмся и с печкой, и со старухой. Ну всё, бывай, побегу я, — махнул он рукой и выскочил из дома.

Как только за ним закрылась дверь, она сразу кинулась к вещам. Местные жители обеспечили её минимальным набором одежды, но этого катастрофически не хватало. Галина с вол-

нением расстегнула замки на сумках. Руки слегка дрожали, когда она доставала свои вещи: тёплый свитер, любимую кружку, штаны с начёсом, несколько фотографий в конверте. Каждая вещь казалась теперь особенно ценной после того, как она думала, что потеряла их навсегда.

«Странно, — подумала она, разглядывая сумки. — Они совсем не выглядят так, будто провисли на дереве под дождём и снегом». Ткань была сухой и чистой, без следов грязи или повреждений.

Петух, привлечённый шуршанием, зашёл в дом и уселся рядом, наблюдая за разбором вещей. Галина достала последний предмет — небольшую шкатулку с украшениями. Открыв её, она обнаружила, что всё на месте, кроме...

— Маминого колечка... — прошептала она, перебирая содержимое. — Его нет.

Она перевернула шкатулку, проверила все карманы сумок — колечко с тонкой гравировкой, единственная память о матери, исчезло. Галина опустилась на стул, чувствуя, как комок подступает к горлу. «Наверно, дети себе забрали. Удивительно, что шкатулку в сумку положили», — подумала она.

— Не надо плакать, главное, что вещи нашлись, — постаралась она себя успокоить.

Глава 15-16

Благодарить судьбу за такой подарок

Галина Сергеевна как-то быстро освоилась в деревне, и даже ночные странные визитёры, бродившие по улицам, её уже не пугали. Ещё засветло она выходила во двор, закрывала ставни, затем запирала дверь на замок и спокойно занималась домашними делами. Всех местных сразу предупредила:

— Либо приходите днём, либо пока светло. В тёмное время суток не пушу. Вон в прошлый раз видела на дороге какое-то странное существо похожее на волка, только крупнее его в полтора раза. Встречаться с ним вблизи нет никакого желания. Да и вообще, у вас деревенька странная, мало ли кто тут бродит и кем перекинуться может.

— Я целиком и полностью тебя поддерживаю, — затряс седой головой дед Василич.

Авдотья тоже кивнула, а Ниночка ничего не ответила. Никитишны и Акинишны в это время не присутствовали — старушки съехались и помогали друг другу, как могли. Их к себе забрать попыталась Авдотья, но они отказались:

— Не нужна тебе такая нагрузка. Да и мы расслабимся, всё на тебя свалим. А так скрипим вдвоём, глядишь, и дальше скрипеть будем.

Ниночка периодически приходила к Галине Сергеевне — то просила помочь в шитье, то просто сидела, болтала или слушала рассказы про город. Иногда она просила:

— Расскажи какую-нибудь историю из твоей жизни про студенчество или про любовь.

А то вдруг сама начинала рассказывать про ушедших постояльцев деревни. Галина всегда с интересом слушала эти истории.

— У вас прямо не деревня, а какой-то перевалочный пункт, — поражалась она.

— Ну вот так получается. Мы никому в приюте не отказываем, никого не прогоняем, если в человеке доброе перевешивает злое, — кивнула Ниночка.

— Как же вы определить это можете? — удивилась Галина.

— Не знаю, людей всегда видно, — Ниночка задумчиво провела пальцем по краю чашки. — Даже если он тебе будет улыбаться и комплименты говорить, всё равно его истинное лицо увидишь. Вот ты, к примеру, сразу видно, что ты хорошая и своя. Ты добрая, хоть иногда и вредничаешь.

Галина невольно улыбнулась. За месяц жизни в деревне она действительно почувствовала себя частью этого странного места и сообщества. Даже ночные шорохи за ставнями уже не вызывали прежнего ужаса, а стали чем-то вроде фонового шума. Жила же она в городе и не замечала городского шума, да и тут привыкла.

— А что было с теми, у кого злое перевешивало? — осторожно спросила Галина.

Ниночка подняла на неё свои светлые, почти прозрачные глаза:

— Они уходили. Иногда сами. Иногда... их провожали.

За окном резко завыл ветер, застучав ставнем о стену. Галина вздрогнула и машинально потянулась к кочерге, стоявшей у печки. Ниночка заметила это движение и усмехнулась:

— Боишься?

— Не то чтобы... Просто привычка уже.

— Правильная привычка. У нас тут не зря ставни крепкие делают.

Она допила чай и вдруг спросила:

— А ты веришь, что места могут быть особенными? Что земля может принимать или отвергать людей?

Галина нахмурилась:

— Ты о чём?

— Да так... — Ниночка отвернулась к окну. — Скорей бы почтальонка пришла, а то что-то не торопится к нам. Она всегда нам чего-нибудь вкусенького приносит, немного, правда, но иногда и этого достаточно.

— Может, заболела?

— Тогда пусть скорей выздоравливает, — кивнула Ниночка. — Побежала я, а то уже темнеть начинает, а нам по темноте лучше не ходить.

Она быстро оделась и выскочила на улицу.

Ночью было особенно шумно — то слышалось какое-то завывание, то казалось, что на улице бегают какие-то животные, то доносились звуки борьбы, рык и протяжный, предсмертный вопль. А иногда, кто-то заводил грустную песню, и играла гармошка.

Утром Галина вышла во двор, чтобы открыть ставни, и завопила от страха. Часть двора была улита кровью, калитка выломана, а на тропинке валялась распотрошенная туша косули.

Авдотья тут же выскочила из своего дома на крик:

— Ты чего кричишь? Что случилось?

— Тут, тут, — заикаясь и тыкая пальцем в сторону туши, проговорила Галина.

— Сейчас тулупчик на себя накину, да валенки обую и прибегу к тебе. Гляну, что там у тебя. Ты там не падай только, — засуетилась Авдотья.

Галина так и плюхнулась на запорошенную снегом лавку. С другой стороны улицы с вилами уже бежал дед Василич. Он остановился около калитки:

— Ох ты, какие подарки, — только и смог проговорить он.

Тут уже и Авдотья подросла. Она с изумлением смотрела на тушу, перекрестилась, подойдя ближе к окровавленному месту:

— Дед, волки? — сказала она, но в голосе не было уверенности. — Хотя... — Она наклонилась, разглядывая следы. — Лапы другие, не волчьи. Да и волки редко до дворов доходят. Да и не бросили бы они тут добычу, уволокли к себе.

Дед Василич ковырял вилами снег вокруг туши:

— Странно... — пробурчал он. — Кишки вынуты, сердце тоже, а мясо не тронут. Кто ж так охотится?

Галина обняла себя, чтобы не дрожали руки:

— Вчера ночью... — начала она. — Я слышала какие-то звуки. Как будто кто-то с кем-то боролся.

Авдотья и дед переглянулись.

— Пойдём в дом, — резко сказала Авдотья, беря Галину под руку. — Василич, ты тут приберись, а я её чаем напою.

В избе Авдотья сразу принялась растапливать печь, громко стуча заслонкой.

— Это не волки, — прошептала Галина, когда дед остался на улице.

— Нет, это, по ходу, рысь тебе подарок сделала — пригнала косулю к твоему дому. Часть свою забрала, а остальное тебе оставила.

Она налила чаю в большую кружку и сунула её Галине.

— И чего теперь делать? — Галина мелко дрожала.

— Дед сейчас её к себе на саночках утащит, а там разделает. У всех мясо будет, а то ж поди устала на рыбе и картошке сидеть?

— Да нет пока, я же свою курицу сначала доедала, сэкономила.

— Это тебя так рысь отблагодарила, — улыбнулась Авдотья.

— Да я как-то и не просила никаких благодарностей.

— Но и отказываться не стоит. Зима длинная, без мяса тяжело будет, — покачала головой Авдотья.

— Наверно, — как-то неуверенно согласилась с ней Галина.

Она сидела у печки, сжимая в руках горячую кружку, когда дед Василич вернулся с санками. Через окно она видела, как он ловко перевалил тушу косули на деревянные полозья.

— Рысь... — пробормотала Галина, всматриваясь в кровавые следы во дворе. — Разве рыси так охотятся?

Авдотья, стоявшая у стола, вдруг резко обернулась:

— И так охотятся. Лучше не думай об этом. Приняла дар — и ладно.

— Хорошо, — кивнула Галина. — Я думала, её куда-нибудь отташат и похоронят.

— Кто же мясом разбрасывается, — удивилась Авдотья. — Нет, дорогая моя, продукты не выбрасывают.

Она встала со своего места:

— Ты сиди, чай пей, а я пойду снег покидаю, прикрою всё это, чтобы тебя не смущать.

Галина сидела у печки, прислушиваясь к скрипу снега под валенками Авдотьи. Через заиндевшее стекло она видела, как старуха, кряхтя, закидывала кровавые пятна свежим снегом.

В голове вдруг всплыли воспоминания, как они выживали в 90-е годы, когда практически одновременно закрылось несколько крупных предприятий в городе. Они вдвоём с супругом остались без работы, а на руках — маленькие дети. Вот тогда им пришлось повертеться, тогда бы им целая косуля за счастье была, а теперь Галина напугалась.

Она вздохнула, глядя на заснеженный двор через мутное стекло. Воспоминания о лихих девяностых сжали ей сердце — тогда они с мужем по неделям питались одной картошкой, а дети просили хоть кусочек мяса. И вот теперь она дрожит перед подарком судьбы.

«Что со мной стало?» — подумала она с горькой усмешкой. «Раньше бы руками схватила эту косулю, не глядя на кровь. А теперь... Надо благодарить судьбу за такой подарок. Тем более вся деревня теперь несколько месяцев с мясом будет».

Пятничный вечер в кругу любимых родственников

— Эх, пятница, развратница, — напевал себе под нос здоровенный детина, старший сын Галины Сергеевны, Толик.

Он выгружал из машины пакеты с продуктами и упаковки с пенным.

— Надеюсь, за добавкой не придётся идти, — проговорил он, закидывая на плечи по две упаковки. — И брательник отдаст свою часть, а то в прошлый раз зажидил, а пил со своей Настюхой, как не в себя. Заранее стрясу, чтобы потом не забыть.

Он поднялся в квартиру, из которой уже доносились на весь подъезд запахи жареной курочки с картошкой.

— Ленок, встречай меня, я с работы пришёл, смотри, чего принёс. Затарился, на вечер должно хватить культурно посидеть.

Из кухни вышла уже немного пьяненькая жена.

— О-о-о, какие люди, — радостно проговорила она. — Чего принёс?

— Да вот пивка для рывка, пакет рыбки солёненькой и так по мелочи всякой закуски, ну и детям чипсы, шоколадки, йогурты. А вы, я смотрю, уже отмечаете? — спросил он, ставя свои покупки на пол.

— Да так, выпили с Настюхой по бокальчику винишка, пока ужин готовили.

— Серёга ещё не пришёл? — спросил Толик, стягивая с себя ботинки сорок восьмого размера.

— Звонил, идёт, — ответила Настя, выглядывая из кухни. — О, пивасик, супер, а то мы винище уже практически допили. Вечер перестаёт быть томным.

Она потеряла ручки и ловким движением выдернула из упаковки полторашку пива.

— Настя, ты бы скинулась, а потом уже пивчанский дёргала, — укорил её Толик.

— Мы с твоей женой пили винище, которое я купила, — ответила она и поволокла пиво на кухню. — Не будь жмотом, это не украшает мужика. И вообще, придёт Серёга — вот с него и спрашивай.

— Вечно они так, — проворчал Толик, подхватывая пакеты с продуктами. — Любители халявы.

Толик занёс пакеты на кухню, где Галина Сергеевна, его мать, ловко управлялась с противнями в духовке.

— О, сынок, пришёл! — обернулась она, покрасневшая от жара. — Ну как, всё купил?

— Да вроде бы по списку, — кивнул Толик, выгружая продукты на стол. — Пиво, закуска, детям сладости. Только вот... — он понизил голос, — Настя уже бутылку мою открыла, даже не спросив.

Галина Сергеевна махнула рукой:

— Да ладно, не кипятись. Сегодня пятница, всем расслабиться надо. Серёга скоро придёт, вместе разберётесь.

— То-то, «разберёмся», — проворчал Толик, но тут же смягчился, увидев, как его младшая дочка Катя тянется к шоколадке. — На, солнышко, только не всю сразу, а то зубы заболят.

Из гостиной донесся смех Лены и Насти — видимо, пиво уже делало своё дело. Толик вздохнул и достал из пакета банку оливок.

— Мам, давай я тебе помогу, а то ты одна тут крутишься, — повернулся он в ту сторону, где она только что стояла, но там никого не было. — Э-э-э, — промычал он. — Заработался совсем.

— Ты с кем тут разговариваешь? — спросила Лена, заходя на кухню.

— Да так, показалось, — сердито отмахнулся он от неё. — Курица скоро готова будет? А то от таких запахов кругом голова идёт, аж мерещится всякое.

— Чего тебе мерещится? Ты же ещё не пил, — с усмешкой спросила жена.

— Мать мне привиделась. Я думал, в гости к нам забежала, больше не обижается на нас.

— Ой, старая подуется немного и отгадет, вы же её дети, да и внуки тут. Мы же её не на улицу выгнали, к тётке твоей отправили.

— Ну да, — кисло скривился он.

— Давай я тебе пивка налью в стакан, чтобы ты не куксился, поднимем тебе настроение, — сказала она и притащила ещё одну бутылку с пивом.

— Насте скажи, чтобы часть отдала за пиво, — проворчал он.

— Вот твой брат придет, ему и скажешь все, я с ней ругаться не хочу, — парировала Лена.

Толик хмыкнул, но всё же налил себе пива.

— Ладно, раз начали — понеслась. Только Серёгу ждать будем или как?

— Ждём-ждём! — закивала Лена.

Дверь в прихожей хлопнула, и раздался знакомый голос:

— Всем привет, я пришёл! И не с пустыми руками!

На пороге стоял Серега, младший брат Толика, с огромным пакетом в одной руке и бутылкой чего-то крепкого в другой.

— Вот это да! — обрадовалась Настя. — Теперь точно будет весело!

Толик одобрительно кивнул:

— Ну наконец-то, а то я уж думал, опять на халяву пить будешь.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Серега, скидывая куртку. — Когда такое было, ты меня с кем-то путаешь.

Толик прищурился, но решил не портить настроение — всё-таки пятница, да и бутылка в руках у Сереги выглядела внушительно.

— Ладно, проехали. Давай разливать, а то я уже как пересохший кактус. Только пива немного принял на грудь.

Сергеа хихикнул, ловко откручивая крышку:

— Это, брат, не просто бухло — это элитный вискарь, подарок от шефа за перевыполнение плана!

— Ого! — присвистнула Настя, тут же пристраиваясь рядом. — Значит, сегодня пьём по-богатому?

— По-богатому, — кивнул Серега, наливая золотистую жидкость в стаканы. — Но аккуратнее, он крепкий, как удар молота по голове.

Лена тем временем поставила на стол дымящуюся курицу, а следом миску с румяной картошкой. Откуда-то появилась тарелка с квашеной капустой и солеными огурцами.

— Ну, кто голодный? — спросила она, ставя тарелки так, что Толик едва успел отдернуть руку.

— Я! — хором ответили остальные, кроме Насти, которая уже прильнула к вискарю, как мотылёк к огню.

— Насть, ты хоть поешь сначала, — покачал головой Толик. — А то опять, как в прошлый раз, к полуночи в салате купаться будешь.

— Да ладно вам, я же культурная! — обиженно фыркнула она, но всё же потянулась к куриной ножке.

Галина Сергеевны по-прежнему не было на кухне, но странное ощущение, будто кто-то невидимый наблюдает за ними, не покидало Толика. Он даже пару раз обернулся, но видел только пустой угол, где обычно стояла мамина табуретка.

— Ты чего вертишься? — спросил Серега, набивая рот картошкой.

— Да так... — Толик махнул рукой. — Кажется, я сегодня слишком много работал.

— Или слишком мало пил, — подмигнул брат, подливая ему вискаря.

Лена подняла бокал:

— Ну, за пятницу! Чтобы всё было хорошо, чтобы дети не орали ночью, чтобы соседи не жаловались...

— И чтобы мама не приходила ругаться! — вдруг добавила Настя, и в комнате на секунду повисла неловкая тишина.

Толик нахмурился:

— Насть, ну ты даёшь...

— Что? — она развела руками. — Ну правда же, она вечно ворчит, что мы шумим!

— Да ладно, — Серега махнул рукой. — Она у тетки, ей там хорошо.

— Ты уверен? Я до нее дозвониться не могу. Гудки длинные идут, а трубку никто не берет, — нахмурился Толик, но тут же спохватился и громко чокнулся со всеми.

— Она просто дуется на нас, вот и все, не бери в голову.

Первый глоток вискаря обжёг горло, и Толик закашлялся.

— Офигенная штука! — выдохнул он, когда смог снова говорить.

— То-то же, — самодовольно ухмыльнулся Серега. — Это тебе на паленка три звезды и обе в минус.

В этот момент в спальне что-то грохнуло. Все за столом вздрогнули.

— Это что, дети? — насторожилась Лена.

— Не-а, они у себя в комнате мультики смотрят, — ответила Настя. — Соседи, наверно, что-то уронили.

Толик хотел ответить, но тут раздался тихий, но отчётливый звук — будто кто-то вздохнул прямо у него за спиной.

Все замолчали.

— Ребят... — медленно начала Лена. — Мне кажется, или...

— Да ни фиги себе «кажется»! — Настя вдруг побледнела и ткнула пальцем в угол. — Вон же!

Толик резко повернул голову. В углу кухни, где всегда сидела Галина Сергеевна, на секунду мелькнула тень.

— Мама?.. — прошептал он.

Но в углу уже никого не было.

— Всё, — твёрдо сказал Серега, хватаясь за бутылку. — Надо выпить, а то мерещится всякое. За неделю переработались.

Толик молча кивнул и протянул рюмку. Он залпом осушил её, чувствуя, как вискарь разливается по телу горячей волной. Но даже крепкий алкоголь не мог заглушить странное ощущение — будто в квартире есть кто-то еще кроме них.

— Ладно, может, это просто усталость, — пробормотал он, но тут же вздрогнул, когда на кухне сама собой захлопнулась дверца шкафа.

— Опа! — Серега поднял бровь. — У нас тут сквозняк, что ли?

— Окна закрыты, — тихо сказала Лена, и в ее голосе впервые за вечер прозвучала тревога.

Настя, уже изрядно набравшаяся, только засмеялась:

— Да вы чего, как маленькие! Может, это домовой?

— Ага, тараканы с мышами, — фыркнул Толик, но в глубине души что-то ёкнуло.

Вдруг в коридоре раздался чёткий звук тяжёлых медленных шагов, будто кто-то неспешно шёл по прихожей.

— Чёртова слышимость, — проговорила Лена. — Всё слышно от соседей.

— Нет, я больше так не могу.

Толик встал со своего места и ушёл в спальню.

— Толя, ты чего? Ты с нами сидеть не будешь? — крикнула ему вслед Лена.

— Я сейчас, — ответил он из спальни. — Продолжайте пока без меня.

Хмурый Толик вышел из комнаты через пять минут.

— Ну ты чего? — спросила его раскрасневшаяся Лена. — Матери звонил? У Ярика скоро день рождения. Старуха будет ему чего-нибудь дарить? Скажи ей, чтобы планшет подарила, всё же десять лет ребёнку, не тяп-ляп, а первый юбилей.

— Заткнись, — рявкнул на неё Толик. — Мать пропала.

— Это хорошо, — протянула Настя. — Квартира нам достанется.

— Тебе-то она с какого перепуга достанется? — возмутилась Ленка.

— Девки, да помолчите вы, — прикрикнул на них Сергей. — Как пропала?

— Я сейчас тётке звонил. Матери у неё нет, сказала, что уехала на дачу. Потом прислала сообщение, что потерялась и живёт в какой-то деревне. Тётка до неё дозвониться не может. Редко приходят сообщения.

— Может, её бомжи съели или собаки разорвали? — спросила Лена уже пьяненьким голосом.

— Малинки, малинки, такие вечеринки, — вдруг запела Настя. — Хоть квартиру попилим и разъедемся, а то ваши рожи противные видеть уже надоело.

— Настя, ты дура? У меня мать пропала, а ты про квартиру, — возмущённо спросил Сергей.

— Это я дура? Да вы мне вот где все сидите? — вскочила со своего места пьяная Настя.

— Сядь, — попытался усадить на место жену Сергей.

— Да пошёл ты! — Настя толкнула Сергея так, что он едва удержался на ногах, задев плечом дверной косяк.

— Ты совсем обалдела?! — зарычал он, хватаясь за руку.

— Ой, больно мне! — фальшиво взвизгнула Настя и швырнула в него стакан с пивом.

Стакан пролетел мимо, разбившись о стену с громким звоном. По старенькому кафелю стекало пиво.

— Ты чего тут устроила? — Толик встал со своего места.
— А ты чего встал? — Настя повернулась к нему, глаза блестели от алкоголя и злости.
— Тоже хочешь? Так я тебе могу устроить - посуды много.
— Да заткнись ты! — Лена внезапно вскочила и рванула Настю за волосы. — Кто тебе разрешил на мужа моего кидаться?!

— А-а-а! Сука! — завизжала Настя, пытаясь вырваться.
Сергей бросился разнимать, но Толик его оттолкнул:
— Не лезь! Пусть сами разберутся, а мы с тобой спокойно выпьем и посмотрим бои без правил!

В этот момент из детской выбежала маленькая Катя:
— Папа, что происходит?
— Иди в комнату! — рявкнул Толик, но девочка уже расплакалась.
— Ну вообще звездец... — прошептал Сергей, глядя на племянницу.

На секунду все замерли. Тишину нарушил звон разбитого стекла — где-то в прихожей упала рамка с фотографией.
— Что это было? — Лена отпустила Настю, обернувшись.
— Наверное, сквозняк... — неуверенно сказал Сергей.
— Какой к чёрту сквозняк?! В башке у вас сквозняк и ветер свищет! — Толик резко шагнул к прихожей. — Окна закрыты, двери тоже!

В коридоре было темно.
— Мама? — невольно вырвалось у него.
Ему никто не ответил.
— Всё, я еду к тетке, — Сергей схватил куртку.
— Я с тобой, — тут же сказал Толик.
— Вы что, совсем сдурели? — Лена схватила мужа за руку. — Вы пьяные, дома сидите!
— А ты думаешь, мне не страшно?! — Толик вырвался. — Мать пропала, в квартире чёрт знает что творится, а вы тут с вашими дурацкими разборками!

— Ладно, — Настя неожиданно спокойно подняла руки. — Давайте без истерик.
— Без истерик?! — Лена закатила глаза. — Это ты только что стаканом кидалась!
— Этот стакан мне никогда не нравился, и вообще давайте веселиться. Сегодня же пятница, — она принялась пьяно танцевать.
— Всё, — Толик глубоко вздохнул. — Сергей, поехали.
— А дети? — спросила пьяная Лена.
— С вами останутся.
— Нет уж, — Лена скрестила руки на груди. — Я одна с ними не останусь, не после всего этого.

— Тогда все едем, — буркнул Сергей.
— В таком виде? — Настя показала на себя — растрёпанные волосы, размазанная тушь.
— Да пофиг, в темноте тебя все равно никто не увидит! — Толик уже надевал ботинки.

— Мать важнее.
— Только пивасик надо с собой взять, - сказала Настя, складывая бутылки в пакет.
Дверь захлопнулась за ними, дети продолжили смотреть мультфильмы в большой комнате.

И только в углу кухни, где раньше сидела Галина Сергеевна, на секунду мелькнула тень, а на полу появилась лужица, которая воняла болотом и тиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.